

ИВАН ЕВСТАФЬЕВИЧ ФЭРЗЕН

«... Озаряясь свежей еще славою, разбитием главного бунтовщика Костюшки и взятием его в плен, совокупил новые лавры; он, при всей слабости здоровья, бодрствуя духом, превозмогал и труды и опасности, и как распоряжением по своей части, так и мужеством подтвердил известную о нем репутацию».

А.В. Суворов.

Введение. Как известно, с момента основания в 1769 г. Ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия второй его степенью было произведено всего 125 награждений. Барон (граф с 1795 г.) Иван Евстафьевич Фэрзен^[1] (1743–16.VII.1800) был награжден четвертой и третьей степенями этого ордена 27 июля 1770 г.^[2] и 26 ноября 1775 г.^[3] соответственно, а второй его степенью 9 ноября 1794 г.^[4]

В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [2] «барон (впоследствии граф^[5])», «генерал от инфантерии» И.Е. Фэрзен именуется «выдающимся русским полководцем»^[6], чему подтверждением слова А.В. Суворова, вынесенные в эпитафию.

Один из известнейших памятников Екатерининской эпохе — это памятник Великой Императрице^[7] в С.-Петербурге, в сквере перед Александринским театром, рядом с которым в 1880-х годах должны были быть установлены шесть бронзовых скульптур и двадцать три бюста на гранитных постаментах^[8].

В рост должны были быть изображены: граф Н.И. Панин, адмирал Г.А. Спиридов, писатель Д.И. Фонвизин, генерал-прокурор Сената князь А.А. Вяземский, фельдмаршал князь Н.В. Репнин и генерал А.И. Бибиков, бывший председателем Комиссии по уложению. В бюстах — издатель и журналист Н.И. Новиков, путешественник П.С. Паллас, драматург А.П. Сумароков, историки И.Н. Болтин и князь М.М. Щербатов, художники Д.Г. Левицкий и В.Л. Боровиковский, архитектор А.Ф. Кокоринов, фаворит Екатерины II князь Г.Г. Орлов, адмиралы Ф.Ф. Ушаков, С.К. Грейг, А.И. Круз, военачальники: граф З.Г. Чернышев, князь В.М. Долгоруков-Крымский, граф И.Е. Фэрзен, граф В.А. Зубов; московский генерал-губернатор князь М.Н. Волконский, новгородский губернатор граф Я.И. Сиверс, дипломат Я.И. Булгаков, усмиритель «чумного

* Малиновский Всеволод Константинович — доктор физ.-мат. наук, профессор. Прямой потомок в VI-м поколении (пра-пра-правнук) участника Отечественной войны 1812 г., Бородинского сражения и заграничных походов 1813–1814 гг. барона Антона Андреевича Шлиппенбаха.

бунта» 1771 года в Москве П.Д. Еропкин, подавившие пугачевский бунт граф П.И. Панин и И.И. Михельсон, герой взятия крепости Очаков И.И. Меллер–Закомельский.

Как видно, в 1880-х годах, почти через столетие после славного царствования, за Иваном Евстафьевичем Фёрзеном неоспоримо признавалось место в «стае славной екатерининских орлов»^[9]. Однако не только это послужило причиной написания настоящей статьи. Граф Иван Евстафьевич Фёрзен — двоюродный брат по матери отца барона Антона Андреевича Шлиппенбаха, прямого предка автора статьи^[10]. В этой связи читателю будут сообщены некоторые фактические сведения, на основании которых он сможет с достаточными основаниями предполагать, о чем думали бароны Шлиппенбах, двоюродные племянники «выдающегося русского полководца» графа И.Е. Фёрзена, в ночь перед Бородинской битвой и что, идя в это сражение, они в действительности шли защищать.

Род Фёрзенов. Древний род Фёрзенов^[11] дал разным странам и в разные времена многих выдающихся людей. Так, Швеции он дал фельдмаршалов Отто Вильгельма Фёрзена^[12] (1623–1703) и Фабиана Фёрзена (1626–1677). Шведская графская ветвь рода Фёрзенов идет от Рейнгольда Иоганна Фёрзена (род. после 1651–1716); он возведен в графское достоинство 28 марта 1712 г. Навсегда вошло в историю имя его правнука, шведского графа Ханса Акселя Фёрзена^[13] (1755–1810): во время революционного террора во Франции он героически пытался спасти королевскую семью. В романтическом ореоле оно известно всем, кто читал роман Стефана Цвейга «Мария Антуанетта».

России род Фёрзенов дал государственного канцлера, министра иностранных дел, светлейшего князя (с 1871 г.) Александра Михайловича Горчакова (1798–1883), мать^[14] которого — баронесса Елена Васильевна (Елена Доротея) Фёрзен (1766–1822). Этот род дал России графа Ивана Евстафьевича, о котором настоящая статья, и барона Ермолая Егоровича Фёрзенов, генералов Екатерининской эпохи. Во время русско-японской войны крейсер «Изумруд» под командованием капитана 2-го ранга барона Василия Николаевича Фёрзена^[15] (1858–1937), единственный из всех кораблей эскадры адмирала Небогатова, отдавшего на следующий день после Цусимы, утром 15 мая 1905 г., приказ о сдаче эскадры, сумел прорвать кольцо японских кораблей и уйти от погони^[16] к русским берегам.

Биографические статьи об И.Е. Фёрзене. Помимо уже цитированного краткого биографического очерка в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [2], Ивану Евстафьевичу Фёрзену посвящены обширные статьи в книгах «Русские портреты XVIII и XIX столетий» [29] и «Русский биографический словарь» [24] А.А. Половцова^[17]. Приведем их, заметив, что в обеих статьях имеется ряд фактических неточностей, на которые мы укажем в примечаниях.

• «Русские портреты XVIII и XIX столетий» [29]. «Граф Иван Евстафьевич Фёрзен (1743^[18]–1800), сын статского советника барона Карла–Густава, происходил из старинного Лифляндского дворянского рода; он начал службу в

артиллерии сержантом в 1760 г. и в 1762 г. произведен в подпоручики, участвуя в 1-й Турецкой войне. За подвиги под Хотиным и при переправе через Прут, а также за осаду Силистрии, получил чины майора (1770 г.), подполковника (1771 г.) и в 1775 г. орден св. Георгия 3 кл.; по окончании войны, в 1782 г. произведен в бригадиры и в 1784 г. — в генерал-майоры.

По словам Бантыш–Каменскаго, Фёрзен был «небольшого роста, худощав; с нравом горячим соединял доброе сердце, отличался храбростью и правотою, дорожил солдатами».

В 1790 г. Фёрзен участвовал в войне со Швецией и, за содействие победе Чичагова при Березовом Зунде, в день заключения мира, 3 августа 1790 г., получил шпагу с алмазами и 5 т. рублей. Произведенный в 1791 г. в генерал-поручики, командуя отдельным корпусом в Литве, Фёрзен сумел образовать тут в 1792 г. генеральную конфедерацию, признавшую покровительство Екатерины II, и быстро умиротворил весь край. Императрица пожаловала ему Александровскую звезду и 2 т. душ крестьян.

Но «блистательнейшею эпохой в его жизни был 1794 год», когда им были совершены военные подвиги во время Польской кампании. Фёрзену принадлежит честь окончательного поражения поляков^[19] 28 сентября 1794 г. при Мацювицах (Мацеевицах). До 6000 пало в бою, около 3000 было взято в плен, в том числе тяжело раненый национальный польский герой Костюшко^[20]. Польская армия перестала существовать, и поражение при Мацювицах имело решительное влияние на дальнейшую судьбу Польши, подготовив также взятие Варшавы. Екатерина II наградила Фёрзена звездой св. Георгия 2 кл. и именем в Лифляндии. В том же году он участвовал в знаменитом штурме и во взятии Праги Суворовым, который в своем донесении писал о Фёрзене: «Озаряясь свежей еще славою, разбитием главного бунтовщика Костюшки и взятием его в плен, совокупил новые лавры; он, при всей слабости здоровья, бодрствуя духом, превозмогал и труды и опасности, и как распоряжением по своей части, так и мужеством подтвердил известную о нем репутацию».

Посланный преследовать отступавшаго к Кракову польского главнокомандующего Ваврженецкаго, Фёрзен 7 ноября при деревне Радочине принудил его положить оружие, за что 1 января 1795 г. возведен в графское Российской империи достоинство.

Павел I, после недолговременной немилости, 24 декабря 1797 г. назначил графа Фёрзена директором Кадетскаго корпуса; 4 января 1798 г. он был произведен в генералы-от-инфантерии, а 24 декабря вышел в отставку. Поселившись в городе Дубно, граф И.Е. Фёрзен там и умер 16 июля 1800 г.».

• *«Русский биографический словарь»* [24]: «Фёрзен, барон Иван Евстафьевич (впоследствии граф) — генерал от инфантерии, потомок древней дворянской фамилии, ведущей свое начало от тюрингенского уроженца Pherson или Fersen. Впоследствии Фёрзены встречаются в Шотландии, Швеции и Лифляндии. Родоначальником лифляндской ветви, к которой принадлежал барон Иван Евстафьевич, является известный в 1471 г. гроссмейстер Ливонских рыцарей Иоанн Вальдгаузен фон Фёрзен^[21]. Фёрзен род. в 1743 г., умер 16.VII.1800 г.^[22]

На службу поступил в 1760 г. в артиллерию сержантом и в 1762 г. произведен в подпоручики. В 1769 г., в чине капитана Елисаветградского пикинерного полка, выступил в поход против турок и принимал деятельное участие в первой турецкой войне (1769–1775 г.); за отличия под Хотиным (1769), при переправе через Прут (1770) и при осаде Силистрии (1773) последовательно получил чины секунд-майора (1 янв. 1770 г.), премьер-майора (7 июля 1770 г.) и подполковника (1771 г.), а также орден св. Георгия 3 ст. (1775 г.). По возвращении из кампании был произведен в 1782 г. в бригадиры, а в 1784 г. в генерал-майоры, с назначением состоять при третьей дивизии. В 1790 г. принимал участие в шведской войне и содействовал победе адмирала Чичагова над шведским флотом (22 июня) в Выборгском заливе (Березовом зунде), увеличив замешательство укрывшихся в заливе неприятельских судов сильным огнем из возведенных береговых батарей, за что награжден в день празднования Верельского мирного договора (3 авг. 1790 г.) шпагою с алмазным украшением и 5000 рублей. Произведенный в 1791 г. в генерал-поручики, Фёрзен в 1792 г., командуя отдельным корпусом, вступил в Литву, где, подобно тому, как и в Польше, происходили смуты по поводу конституции 3-го мая 1791 г.; искусными распоряжениями он сумел образовать здесь генеральную конфедерацию, по примеру Тарговицкой, которая принята была под покровительство императрицы Екатерины II, и таким образом быстро умиротворил весь край. За мужество и распорядительность, оказанные им в этом году, Фёрзен получил орден св. Александра Невского^[23] (1792), графское достоинство^[24] и две тысячи душ (1793 г.). Но блистательнейшею эпохою в жизни Фёрзена был 1794-ый год. В начале этого года возникло восстание в Польше, и Костюшко занял Варшаву (6 апр.). Фёрзен, командовавший в Литве отдельным корпусом численностью в 12000 чел., соединился с войсками прусского короля Фридриха-Вильгельма III и вторгнулся в пределы Польши. При деревне Щекоцине соединившиеся союзные корпуса встретились с войсками Костюшко, который, выдержав бой в течение целого дня (8 июня), принужден был к вечеру отступить к Варшаве. 13 июля корпус Фёрзена и пруссаки приступили к осаде Варшавы и заняли предместье Волю, но возникшее в пределах Пруссии восстание заставило короля (26 авг.) поспешно снять осаду, вследствие чего и Фёрзен принужден был также отступить. Он пошел вверх по левому берегу Вислы, распустив слух, что хочет уйти в Австрию, с тою целью, чтобы ввести противника в заблуждение и облегчить себе переправу через Вислу и соединение с гр. Суворовым-Рымникским, поспешно наступавшим к Брест-Литовску. Костюшко, обманутый искусным движением Фёрзена, отправил сильный отряд в Краков, чтобы пресечь корпусу Фёрзена путь в Австрию, а для ближайшего за ним наблюдения послал незначительный отряд (3000 чел.) Понинского вдоль правого берега Вислы; сам же со всеми своими войсками пошел к Брест-Литовску навстречу Суворову. Фёрзен, узнав о незначительности наблюдающих за ним войск, приступил близ Кошеницы к переправе через Вислу; тогда Костюшко бросился с Брестской дороги навстречу Фёрзену, чтобы остановить его и не дать ему соединиться с Суворовым, и стал на позиции у д. Мациовиц, близ места переправы. Фёрзен, переправив 27-го сент. свой корпус через Вислу, частью вплавь и на плотках, частью по наведенному мосту, и

осмотрев позиции неприятеля, в тот же день вечером отправил отряд генерала Денисова и всех казаков лесом и болотами в обход левого фланга поляков, а сам с остальными войсками двинулся в полночь к Мациовицам и на рассвете 28 сент. с барабанным боем и распущенными знаменами атаковал неприятеля. Поляки защищались храбро, отбили первый натиск русских и даже перешли к наступлению, но после третьей нашей атаки и упорнейшего рукопашного боя принуждены были очистить свои укрепления; в это время Денисов вышел из леса и атаковал их левый фланг. Костюшко, предводительствуя лично кавалерией, пошел ему навстречу, но атака его была неудачна; под ним были убиты три лошади, он сам был тяжело ранен и взят в плен. Поляки начали отступать в порядке, но, стремительно преследуемые Фёрзеном, пришли скоро в совершенное расстройство: 6000 их было убито или ранено, 2000 взяты в плен, а равно захвачены вся артиллерия и весь обоз. Поражение это имело решительное влияние на судьбу Польши, в особенности по нравственному своему значению. За победу при Мациовицах императрица Екатерина II наградила Фёрзена орденом св. Георгия 2 степ. и именем в Лифляндии. 14-го окт. корпус Фёрзена присоединился у Окунева к войскам Суворова. В знаменитом штурме Праги (24 окт.) Фёрзен принял деятельное участие, командуя 5-ою, 6-ою и 7-ою колоннами, атаковавшими восточный фронт крепости. В донесении Суворова о пражском штурме сказано, что гр. Фёрзен «озаряясь свежей еще славою, разбитием главного бунтовщика Костюшки и взятием его в плен, совокупил новые лавры; он, при всей слабости здоровья, бодрствуя духом, превозмогал и труды и опасности, и как распоряжением по своей части, так и мужеством подтвердил известную о нем репутацию». По занятии Варшавы Фёрзен послан был преследовать главнокомандующего польскою армиею Вавржецкого, намеревавшегося с остатками войск удалиться в Галицию; Фёрзен догнал его 7 ноября на пути к Кракову у д. Радочин и принудил положить оружие. Со вступлением на престол императора Павла I Фёрзен 18 сент. 1797 г. был уволен в отставку, но уже 24 дек. того же года вновь зачислен на службу с назначением директором кадетского корпуса; 4 янв. 1798 г. произведен в генералы от инфантерии, но в том же году вышел в отставку (14 декабря) и поселился в городе Дубно, где вскоре за тем скончался. Гр. Фёрзен был небольшого роста, худощав; с нравом горячим соединял доброе сердце; отличался храбростью и правотою; дорожил солдатами.

Источники. Формулярный список, хранящийся в московск. отделен. общ. архива Главн. Штаба. — «Журнал военн. действий». — Петров: «Война России с Турцией и польск. конфедератами с 1769–1774 г.». — «Русск. Архив», 1866, ст. 1617, 1873 г., ст. 2307. — «Русская Стар.», т. XII, ст. 232, т. XVIII, ст. 589. — Бантыш-Каменский: «Словарь достопамятных людей русск. земли», М., 1836, т. 5. — «Военно-энциклоп. лексикон», т. XIII.

Воспоминания современников об И.Е. Фёрзене. Для тех, кто хочет не только разобраться в аспектах карьеры И.Е. Фёрзена, но и составить картину его человеческих качеств, наибольший интерес представляют мемуары. К счастью, их осталось на удивление много. Это и анализ А.Ф. Ланжерона^[25], и

касающиеся царствования Павла I анекдот К.Г. Гейкинга и наблюдения Ф.Ф. Вигеля, и относящиеся к концу царствования Екатерины II детские впечатления Ф.В. Булгарина. Воспоминания всех перечисленных лиц, по отношению к И.Е. Фёрзену весьма различных как по возрасту, так и по положению в обществе, складываются в удивительно целостное изображение этого замечательного человека.

• *А.Ф. Ланжерон* [17]: «Осуществив в 1796 году задуманное мною намерение написать дневник трех кампаний, в которых я принимал участие, состоя в то время на русской службе и из которых одна была против шведов, а две против турок, я пришел к убеждению, что я должен предпослать этому труду некоторыя подробности о состоянии, в котором находилась тогда русская армия, без чего многое из рассказанного мною об этих войнах было бы непонятно большинству читателей, не имевших возможности ознакомиться с составом и устройством этих войск. Многочисленны преобразования, произведенные императорами Павлом и Александром, а затем и Николаем, в русской армии, в которой они сохранили все, что было хорошаго и полезнаго, и удалили из нея злоупотребления; но я изображаю их русскую армию в том виде, в каком она существовала в царствование императрицы Екатерины II, и ничего не изменил из того, что было написано мною в то время.

... Между генерал-поручиками^[26] следует отметить: Граф Иван Фёрзен, будучи превосходным генералом, без сомнения, является, после Румянцева и Суворова, лучшим из генералов, которыми обладает Россия. Сверх того это человек твердый, образованный, но невоздержанность настолько разрушила его здоровье, что ему почти невозможно продолжать службу. Михаил Кутузов также считается одним из военных идолов русских. Трудно иметь более ума; но вот и все, что можно сказать о нем.

... Я нисколько не опасаясь утверждать, что Россия, обладая несколькими второстепенными и даже первостепенными генералами, которыми с успехом можно воспользоваться против турок, имеет еще мало таких, которым можно было бы доверить обширныя операции против дисциплинированных и тактических армий, и мне показалось, что сама императрица сознавала справедливость этого ... ».

• *Ф.Ф. Вигель* [5]: «... В числе полков, коим в Киеве Малютин (Гатчинец, инспектор, о котором Вигель отзывается как о «добром малом». — *В.М.*) делал смотр, был также и Киевский гренадерский. Его шефом был тогда знаменитый граф Фёрзен, победитель Косцюшки, немец, каких давай Бог более русским. Он не скрывал, сколь тяжко ему *поникнуть лавровой славой* почти перед мальчиком; очень умно и вежливо сказал он это ему самому; но Малютин не был, видно, потомок Малюты Скуратова, а если и был, то не походил на своего предка, ибо с благоговением и стыдом принял рапорт от Фёрзена.

После такого героя отцу моему уже не стыдно было представить новый полк свой на смотр г. Малютину. Мне в первый раз случилось тут увидеть покойного

отца перед фронтом. Я не мог им налюбоваться. Ему было тогда около шестидесяти лет, но всем, кто тут был, показался он двадцатью годами моложе. Сам Малютин удостоил его величайших похвал».

• *Карл Генрих Гейкин* [7]: «Генерал граф Фёрзен был прикомандирован к кадетскому корпусу и подчинен великому князю Константину Павловичу. Долго выносить остроумные выходки этого юноши стало ему невмозможным, и он попросил об увольнении в отставку^[27]. Павел пожелал узнать причину. Сначала храбрый солдат этот сказал, что чувствует себя нездоровым; но затем, когда стали у него допытываться о настоящей причине, он прибавил:

— «Ваше величество требует правды? Ну, так простите меня, государь, но, право, грустно для человека, состарившегося на войне, иметь и над собой и под собой одних детей».

Если бы побольше людей подобного закала стояло вблизи престолов, то последние держались бы покрепче, а государи могли бы менее опасаться измены».

• *Ф.В. Булгарин* ([4], Часть первая. Глава II): «... В Несвиже была тогда временная главная квартира Генерала Графа Фёрзена, который победой, одержанной над Костюшкой, и взятием его в плен, стяжал себе всемирную славу. В это время он наслаждался ею в полной мере, награжден был щедро Императрицей Екатериной II^[28] и Союзными дворами, и пользовался особенным уважением всей русской знати.

Некоторые из польских офицеров, бывших в сражениях под Мациевичами, приписывают однако же победу генералу Денисову, впрочем весьма несправедливо, на том основании, что в начале сражения поляки одержали верх в центре, где начальствовал сам генерал Фёрзен, который уже начал retirроваться, оставив на месте несколько пушек; но генерал Денисов, стремительно бросившись, с своей кавалерией, на левый фланг польский, смял его, обратил в бегство, и этим внезапным ударом привел весь корпус Костюшки в расстройство. Тогда уже генерал Фёрзен стал громить центр польской своей артиллерией, и ударил в штыки. Как бы то ни было, но слава победы принадлежит всегда главнокомандующему. Очевидцы и иностранные писатели должны вспомнить, что без счастливого движения генерала Дессе (Desaix) Наполеон не одержал бы победы при Маренго, однако ж слава принадлежит Наполеону. Ведь и Костюшку взял в плен не сам Фёрзен^[29], а мы должны говорить и писать, что Костюшко взят Фёрзеном.

Разумеется, в общем расстройстве страны, при непрерывных переходах войск, продовольствие его было сопряжено с величайшими затруднениями. Брали, где могли взять, и наконец выбрали все, что было на виду, а между тем большая часть запасов сохранялась помещиками и крестьянами в ямах, в лесах, между неприступными болотами. Надлежало иметь человека, который бы знал местность и средства каждого поместья, и умел распределить так называемую реквизицию (контрибуцию провиантом и фуражом) справедливо, без излишнего отягощения жителей и сообразно состоянию каждого помещика. Для этого Фёрзен вытребовал отца моего в Несвиж, и весьма был огорчен случившимся

с ним несчастием, которое замедляло предположенное учреждение Временной провиантской комиссии.

Лишь только язвенная горячка (Wimfieber) у отца моего миновалась, граф Фёрзен навестил его, присылая прежде ежедневно адъютанта осведомляться о его здоровье. В эту самую пору у отца моего был доктор, и потому матушка приняла графа в гостиной, и, по польскому обычаю, представила ему все наше семейство. Граф Фёрзен, после первой вежливости, сказал матушке, что она, будучи матерью русского воина, как русская, имеет полное право на покровительство русского правительства, и просил ее, чтоб она избрала его в представителе перед тронем Великой Монархии. Матушка, разумеется, приняла это за комплимент, однажкож все наше семейство было обворожено ласковостью, хорошим тоном и добродушием графа Фёрзена. Заметив привязанность матушки ко мне, державшей меня на коленях, граф Фёрзен обратился ко мне, а матушка велела мне подойти к графу и приветствовать его. Граф поцеловал меня в лоб и обещал принести конфеток и игрушек. Я столько наслышался в доме нашем о графе Фёрзене, о Костюшке (которого обожали в нашем семействе), что с недоверчивостью слушал графа и с величайшим любопытством рассматривал его. Граф Фёрзен был уже стар, лет шестидесяти, но по лицу казался еще старее. Он был сухощавый, весь в морщинах и согнутый; щурил глаза и закрывал их рукой от света. Особенно помню, что он весьма был напудрен, и имел трость с набалдашником, осыпанным драгоценными камнями. Посидев с дамами с полчаса, граф пошел в комнату отца, где пробыл долго, и с другого же дня в спальне отца моего начал собираться ежедневно комитет, составленный из нескольких помещиков и русских штаб-офицеров, для учреждения земской полиции и установления правильного продовольствия войска.

Граф Фёрзен занимал весь замок, или дворец (palas) князя Радзивилла, владельца Несвижа, жил роскошно, по-царски, разумеется, по тогдашнему обычаю, на счет города и помещика, который был за границей. Вся оставшаяся в доме прислуга княжеская и все, что оставалось в целости — домашние снаряды, сервизы, лошади и экипажи, находились в распоряжении графа Фёрзена. Дня через два после своего посещения, граф Фёрзен снова приехал к нам, просить матушку с сестрами на вечер: на концерт, был и ужин. Матушка отговаривалась всячески, и наконец должна была обещать, что будет, если какие особенные обстоятельства не помешают.

После узнал я причину, по которой матушка не хотела ехать на вечер к такому важному человеку. Граф Фёрзен, не взирая на преклонные свои лета и хилость, был страстным обожателем прекрасного пола, и имел при себе трех юных собеседниц, полек. Тогда был иной век, и русские вельможи, а за ними и их подчиненные, не скрывали того, что в наше время, если и делается, то лишь тайно и с некоторыми приличиями. Русская знать все еще жила в веке Людовика XV. Все богатые и достаточные люди в России держали явно любовниц, хвастали ими, как ныне хвастают мебелью или лошадьми, и никто не обращал на это внимания. Некоторые богачи, поселившись в деревне, имели целые хоры певиц, танцовщиц или целый завод кружевниц, и все это было в порядке вещей. В Польше, где все дворянство, исключая должностных при Дворе,

проживало большую часть года в своих поместьях, в семейном кругу, между родными, соблюдалось более приличий в этом отношении. Любовные интриги хотя и существовали, но тайно и благопристойные, и не взирая на вольное обращение между полами, никто не дерзал похвастать тем, что имеет любовницу. Женщина подозрительного поведения не смела даже показаться в люди.

Русские офицеры, особенно пожилые, вели себя непринужденно, разобрали по рукам всех хорошеньких служанок из шляхтянок, всех пригожих дочерей экономов и даже жен многих шляхтичей, словом, всех легкомысленных девушек и женщин, получивших некоторую наружную образованность в господских домах, и умевших искусно подражать всем манерам своих прежних барынь и барышень, и жили с ними явно, как с женами. Надобно сознаться, что польки соблазнительны! Один польский поэт сравнивает их, по грациозности, с молодыми кошечками! Польки ловки, любезны, кокетки от природы, и умеют принимать на себя все оттенки различных характеров, сообразно нраву того, кому хотят нравиться. Трудно противостоять их искушению, в чем сознался и великий Суворов! В противоположность этому, женская ловкость, развязность и любезность сосредоточивались тогда в России только в высшем обществе, а в обыкновенном дворянском кругу женщины были манерны, застенчивы, неловки и старались казаться в высшей степени чинными и степенными. Приманка в Польше была слишком велика, и покорители Польши щедро вознаграждали себя за понесенные труды за скуку с русскими женщинами, и жили в Польше, как в Магометовом раю, с той разницей, что в польско-магометовом раю было, сверх благ — венгерское вино! Многие любовницы совершенно овладели своими обожателями, и они, повинувшись их воле, вводили своих любовниц в порядочный круг, возили на балы, приглашали к себе гостей, словом, ввели их во все права законных жен.

Пока кипела война и каждый вооруженный человек был страшен, тогда все терпели и даже искали покровительства любовниц; но когда громы войны замолкали и императрица Екатерина II решила присоединить к России Литву, то с мирными и покорными жителями велела поступать снисходительно и ласково — и они ободрились. К тому же, многие поляки уже находились при дворе российском, и обещали землякам своим защиту и покровительство. И так, хотя страх русского имени еще не исчез вовсе в Польше, но уже значительнейшие из жителей заняли прежние места свои в обществе и не покорялись слепо воле каждого, носившего русский мундир. Многие дамы не ездили даже в церковь, чтобы не встречаться с русскими собеседницами, щеголявшими нарядами и экипажами. Эти собеседницы русских воинов приводили в соблазн своей роскошью, и не появлялись в люди иначе, как осыпанные алмазами и жемчугом.

И так, матушка моя боялась унизиться, или, как говорится, скомпрометироваться, попав в общество этих собеседниц, тем более, что слышно было, будто и наша панна Клара разъезжает по городу в богатом экипаже какого-то майора. Матушка созналась в этом доктору, лечившему отца моего, а как этот доктор, земляк графа Фёрзена, был с ним фамильярен и пересказал ему справедливые опасения матушки, то граф Фёрзен был так деликатен, что в тот же день прислал матушке список всех званых гостей. Разумеется, что матушка после этого

поехала с сестрами на вечер, на котором младшая сестра, Антонина, приобрела общие похвалы за отличное свое пение и ловкость в танцах.

Поляки, подобно богемцам, народ музыкальный — и богемцы потому только превосходят в музыке все славянские племена, что имеют в Праге консерваторию, распространяющую вкус и образующую учителей. В Польше также в каждом шляхетском доме занимаются музыкой. Почти каждая бедная шляхтяночка играла в то время на польской гитаре (с семью железными струнами), и во всех помещичьих домах все дамы играли на фортепиано, на арфе и даже на гусях, которые тогда были в большом употреблении. Все польки учились пению в женских монастырях. Младшая сестра моя, Антонина, была одарена необыкновенным талантом в музыке, имела прелестный голос, пела с удивительным чувством и выражением, и играла отлично на фортепиано, на арфе, на гитаре и на гусях. Страшная сестра, Елизавета, воспитанная, как и младшая, по тогдашнему обыкновению, в монастыре сестер бенедиктинок, в Минске, где наша родственница была настоятельницей, по странному вкусу, избрала для себя кларнет, и играла на нем очень хорошо, участвовав прежде в монастырском музыкальном хоре.

Дом наш сделался местом собраний всех русских офицеров и всех семейств, съехавшихся в Несвиж, для избежания опасностей от мародеров, и почти каждый вечер у нас занимались музыкой и танцами, и играли в карты. Страшно вспомнить об этой игре! Червонцы ставили на карту не счетом, а мерой — стаканами! В офицерских квартирах, как рассказывал отец мой, играли также на вещи: на жемчуг, алмазы, серебряную и золотую посуду, часы, перстни, серьги, драгоценное оружие и конскую сбрую. Шайки Варшавских и Виленских шулеров разъезжали из одного штаба русских войск в другой штаб, и прибирали к рукам добычу. Многие игроки сделались богачами, хотя и с переломанными костями, без глаза или без зубов; некоторые лишились жизни за карточным столом. Тогда на все смотрели сквозь пальцы! Благоразумнее всех поступали русские офицеры из немцев: они отправили свои сокровища домой, потом купили мыз в Лифляндии и Эстляндии и, вошед бедняками в службу, оставили детям богатое наследство. Большая часть русских, что нажили в Польше, то в ней и прожили. Славянская кровь! Почти то же было и с поляками в России, во время Самозванцев, с той разницей, что поляки проигрывали своим и чужеземникам.

Граф Фёрзен был ежедневным нашим гостем, и полюбил искренне наше семейство. Я был его любимцем, ходил к нему почти каждое утро завтракать, бегал по комнатам, играл с его попугаями, моськами и с его оружием, и весьма часто оставался обедать. В шутку называл он меня своим полудьянгантом, и посылал через меня бумаги к моему отцу. И он сам, и собеседницы его, и адъютанты и даже прислуга, забавлялись мной, потому что я был резв, смел, всегда весел, разговорчив, и заставлял их часто хохотать моими детскими речами и простодушием. Однажды, когда граф Фёрзен был в самом веселом расположении духа, а я дразнил его попугая, грозя ему маленьким ятаганом, который был у меня в руках, граф спросил: «Что ты хочешь, чтоб я подарил тебе: попугая или эту саблю?» — Попугай мне чрезвычайно нравился, но я, взглянув

на него и на ятаган, сказал: «Дай саблю!» — «Зачем тебе она?» примолвил граф. — «Бить всех, кого дядя Костюшко прикажет!» отвечал я. Разумеется, что я говорил точно так, как попугай, с которым я играл, т. е. повторял то, чего наслушался дома, а в то время только и толков было, что о беспредельном повиновении избранному вождю и неповиновении Королю. — «А разве ты не знаешь, что у тебя есть король, и что ты должен слушать его, а не Костюшку?» промолвил граф. Я отвечал затверженной мною и тогда общей поговоркой: «Король Понятовский, дурак по Божьей милости» (Krol Poniatowski, kier z laski Boskiey)^[30]. Фёрзен и все присутствовавшие расхохотались, и граф сказал: «Возьми же эту саблю, я дарю тебе ее, а попугая отнеси от меня матушке». Я бросился к графу, вспрыгнул к нему на колени, стал обнимать и целовать, замарался весь пудрой, и сказал: «Тебя не убью, хоть бы дядя Костюшко велел!» — «Спасибо, очень благодарен», отвечал граф, смеясь. Я тотчас попросился домой, чтоб похвастать моей саблей, и, пробегая ряд комнат в переднюю, не мог удержаться, чтоб не хватить саблей по лбу мраморного сатира, который стоял в нише, в карикатурном положении, высунув язык. Со мной был мой дядька, который рассказал матушке все происшедшее, и она чрезвычайно испугалась, чтоб граф Фёрзен не заключил из слов моих о неприязненных чувствах нашего семейства к настоящему порядку дел. Лакей графа принес, вслед за мной, попугая, а вечером приехал и сам граф, и когда матушка начала объясняться на счет моих речей, граф Фёрзен, как она мне после сказывала, возразил: «Я сам на вашем месте думал бы точно так же. Неужели вы почитаете наше правительство столь неблагоприятным, чтоб оно после всего, что здесь случилось, требовало от вас внезапной любви и верности? Наша Великая Монархиня созидает дела вековые, и что веками было расторгнуто, то веками и соединится. Здесь была некогда Русь — и будет со временем! Мы требуем только, чтоб вы были спокойны и не порывались на невозможное, для собственного вашего блага. Есть русская пословица: сила и солому ломит — не забывайте ее, а мы перестанем говорить об этом». Так думал и, сообразно с своими правилами, так поступал граф Фёрзен; но, по несчастью, были и такие, которые думали и поступали иначе, или не понимая видов правительства русского, или не исполняя их из собственных выгод.

Отец мой совершенно выздоровел, и хотя еще подпирался тростью, но выезжал со двора. Однажды, когда все семейство наше было отозвано куда-то на вечер, а я уже спал, вдруг какой-то ужасный рев разбудил меня. Комната моя была освещена внешним блеском. Няньки не было в спальне, я вскочил с постели, подбежал к окну, взглянул — и вся кровь во мне застыла. Вижу, что во всю длину улицы тянутся какие-то страшилища, в белой и черной длинной одежде, по два в ряд с факелами, и режут во все горло, а посередине, между множеством знамен, толпа этих же чудовищ несет гроб^[31].

Няньки служанки натолковали мне прежде о ведьмах, колдунах, чертях, мертвецах, и т.п.; в моем разгоряченном воображении представилось что-то такое ужасное, что я не мог двинуться с места от страха, упал замертво, и больше ничего не помню. Когда я пришел в чувства, два гайдука качали меня на простыне, как в койке, среди комнаты. «Маменька, где ты?» спросил я, и она

бросилась ко мне со слезами и прижала к сердцу. — «Дай мне есть, я голоден!» Матушка чуть держалась на ногах от радости. Тотчас послали за доктором и за отцом, которого призвал к себе по делам граф Фёрзен. Доктор обрадовал родителей, сказав, что теперь он отвечает за жизнь мою. После рассказали мне, что я девять дней пролежал в горячке, с бредом, и что все лишились надежды на мое выздоровление. Пришед в чувства, я был однако же так слаб, что не только не мог стоять на ногах, но и едва шевелился. Через три недели я с трудом ходил по комнате.

Во время моей болезни, граф Фёрзен уехал в Петербург. Летом 1795 года началось окончательное присоединение бывшей Литвы, Польши и Подолии к России. Генерал-губернатором в Литве был генерал-аншеф князь Репнин, прежний посол при польском Короле, или правильнее, правитель всей Польши; минским губернатором назначен был генерал-поручик Тутолмин. Главная квартира дивизии войск, занимавших часть Литвы, прилежащую к Белоруссии, переведена в город Минск, и начальство над этой дивизией поручено генералу Денисову. Повсюду стали приводить к присяге дворянство, духовенство и мещан всех исповеданий, и в конце июня обнародован генералом Тутолминым знаменитый манифест императрицы Екатерины II, подтверждающий все права и привилегии, которыми эти области пользовались прежде. В новоучрежденных губерниях, вместо прежних воеводств, вводили русское управление, оставляя прежний порядок касательно избирательных мест, но только в казенных местах и по полицейской части определяли русских чиновников, и когда, 12/24 октября 1795 года, между тремя державами решено было разделить между собой бывшую Польшу — в провинциях, присоединенных к России, уже введено было новое устройство и принесена присяга, хотя Король польский, проживавший в Гродне, подписал акт отречения от престола только 13/25 ноября того же года. При введении нового порядка вещей обязанности отца моего по званию Военно-гражданского комиссара кончились: он отправился в Минск, для сдачи отчетов генералу Тутолмину, а семейство наше возвратилось в деревню».

• *Ф.В. Булгарин* ([4], Часть первая. Глава VII): «... Граф Фёрзен был тогда директором Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса. Он видывал матушку в обществах, и однажды, разговорясь обо мне, посоветовал ей отдать меня в корпус, обещая все свое покровительство и родительское попечение. Когда это сделалось известным, все стали убеждать матушку последовать совету графа Фёрзена, и особенно подействовали на нее слова графа Северина Осиповича Потоцкого, которые мне матушка пересказала впоследствии, когда я мог понимать всю их важность.

— «Мы вошли в состав государства», сказал граф Потоцкий, «в котором все наши фамильные заслуги и все наше значение, в прежнем нашем отечестве, исчезнут! Теперь, на первых порах, некоторых из нас возвысили, на основании прежнего нашего фамильного значения, но пройдет тридцать, сорок лет, полвека, и каждый безродный чиновник будет выше бесчиновного потомка дигнитарской^[32] польской фамилии! Если наше дворянство не захочет служить и

входить в связи с русскими фамилиями посредством браков, то оно упадет совершенно. Мы должны подражать дворянству немецких провинций, которое всегда имеет на службе представителей своего усердия и верности к престолу. Начните! Вы сделаете добро вашему сыну, докажете вашу преданность к новому отечеству и подадите полезный пример. Какое поприще для вашего сына в провинции?». Это были мудрые и пророческие речи! Граф Потоцкий убедил матушку, и она решилась отдать меня в корпус.

Граф Фёрзен взял меня к себе, чтоб приучить к будущей кадетской жизни. Он приставил ко мне, в роде гувернера, майора Оде-Сиона (бывшего в Польше при графе Игельстроме и потом инспектором классов в пажемском корпусе и генерал-майором), отпускал меня в рекреационное время играть с кадетами, водил смотреть военные экзерциции и кормил конфетами. Мне было очень весело у графа Фёрзена, тем более, что матушка ежедневно приезжала ко мне, и иногда брала с собой. Но граф Фёрзен оставил корпус прежде, нежели были получены из провинции свидетельства о моем дворянстве. Через несколько месяцев вышло от государя разрешение об определении меня в кадеты. Меня отвезли в малолетнее отделение 13 ноября 1798 года».

• *Ф.В. Булгарин* ([4], Часть первая. Глава VIII): «... После Графа Фёрзена управлял временно корпусом Генерал-майор Андреевский, до марта 1799 года, а в это время назначен директором генерал от Инфантерии граф Матвей Иванович Ламсдорф. При Андреевском и Ламсдорфе не было больших перемен, и все оставалось на основании порядка, введенного М.Л. Кутузовым.

В малолетнем отделении не было ничего военного: это был пансион, управляемый женщинами. Малолетнее отделение разделено было на камеры (*chambre*), и в каждой камере была особая надзирательница, а над всем отделением главная инспекторша (*inspectrice*), мадам Бартольде; меня отдали к самой нежной, к самой ласковой, добродушной надзирательнице, мадам Боньот. Граф Фёрзен поручил меня особенному ей надзору и попечению, а кроме того, моя мать, познакомившись с нею, приобрела ей приятельство. У мадам Боньот были две дочери (Елизавета и Александра) и старушка мать, мадам Кювилье, добрые и ласковые создания, и все они меня ласкали и нежали. В квартире мадам Боньот были мое фортепьяно, гитара, сундук с нотами, книгами и игрушками, и я имел право в каждое время (исключая класснаго) приходить туда, как домой ...».

• *Ф.Ф. Вигель* [5]: «... Мимоходом сказал я несколько слов о графе Ферзене. Я никак не могу сим ограничиться; ибо сей человек, коего именем украшаются наши военные летописи, был частым посетителем нашего дома, и мне нередко удавалось слышать любопытный его разговор. Он был тщедушен, роста небольшого, имел нос длинный, щеки впалые, лицо бледное; голос его был тих, и наружность всегда спокойна, даже тогда как говорил он с жаром; только одни глаза его разгорались огнем ума и чувства. Воин Екатерины, он, подобно ей, всеми силами пламенной души своей прилепился к нашему великому отечеству и служил ему не как наемник^[33], а как преданнейший сын. Германия сделалась ему вовсе чуждой; несправедливость ее сынов против народа, его благородным сердцем избранного, против земли, подательницы побед и славы, его жестоко

оскорбляла. Когда соотечественники^[34] его сделали образцами для нашего войска, он не скрывал намерения оставить службу, прибавляя, что если возгорится у нас война с Пруссией либо с Австрией, то он опять готов вступить в нее, хотя бы простым рядовым.

Домашние несогласия давно разлучили его с женой, и единственного сына своего он видел только в колыбели. Этот сын, молоденький мальчик, вызванный им из Лифляндии, к горю его, приехал в Киев. «Посудите, — говорил Ферзен отцу моему, — каково мне глядеть на него? И глуп, и ни слова не знает по-русски». А между тем ни один портрет, ни одна статуя не могли быть так схожи с подлинником, как отец с сыном: последний был совершенно старик Ферзен, помолодевший и неодошевленный».

Мы знаем, что сын графа Фэрзена, Карл Густав (1779–1825), впоследствии стал офицером русской службы, и вряд ли действительно был глуп; некоторые отцы любят покритиковать своих сыновей. Но языки нужно знать.

И.Е. Фэрзен в монографии А. Петрушевского «Генералиссимус князь Суворов». Труды историка суворовских походов А. Петрушевского представляют значительную ценность для понимания того, в каких служебных и личных отношениях находились А.В. Суворов, родившийся 13 ноября 1730 г., и И.Е. Фэрзен, который был на 13 лет младше.

Деловые инструкции А.В. Суворова И.Е. Фэрзену, такие как «... рекомендую вашему превосходительству полную решимость, вы генерал; я издали, и вам ничего приказать не могу. Иначе стыдно бы было, вы локальный. Блюдайте быстроту, импульсию, холодное ружье; верить счет мятежников», и оценка действий И.Е. Фэрзена в пражском штурме А.В. Суворовым, вынесенная в эпиграф, не оставляют места для сомнений.

Приведем несколько отрывков из книги А. Петрушевского [25], подробнее описывающих события 1790-х годов.

• «Генералиссимус князь Суворов» ([25], гл. 16^[35]): «... С отступлением Прусского короля из-под Варшавы, корпус Фэрзена, занимавший правый фланг расположения Пруссаков, отделился от них и направился левым берегом Вислы вверх, по направлению к Пулавам, для переправы на правый берег.

Сначала его удержала необходимость — прикрыть тыл отступавших Пруссаков, дальше он не нашел перевозочных средств, еще дальше нашел их слишком мало. Так Фэрзен дошел до Козеницы, обмениваясь по временам пушечными выстрелами с польским генералом Понинским, который зорко следил за ним с другого берега.

В это время барон Фэрзен был как бы отрезан от остального мира, и ни Суворов, ни Репнин не имели о нем никаких известий.

Репнин послал ему в половине сентября предписание — соединиться с Суворовым и состоять в его распоряжении, и сообщил об этом Суворову, но тут же оговорился, что не уверен в получении этого предписания.

Суворов неоднократно доносил Румянцеву, что о Фэрзене ни слуху, ни духу, и где находится — неизвестно. Сентября 28 он донес, что по слухам Фэрзен

еще не переправился и что ему необходимо помочь, но куда Дерфельден не прибыл, он, Суворов, сделать этого не в состоянии.

На следующий день Суворов получил от австрийского генерала Гарнонкурта весть, что Фёрзен совершил переправу благополучно, но куда пошел — неизвестно. Суворов послал Фёрзену на авось такое приказание; так как Австрийцы, бросив перед тем Люблин, теперь снова его заняли, то расположиться на полпути из Люблина в Брест, именно в Радзине, а 5–6,000 послать в Коцк

Фёрзен перешел Вислу в Козенице, обманув Понинского, который имея под начальством 4 или 5,000 человек, мог бы нанести ему огромный урон, если бы не дался в ловушку. Суворов получил и прямое об этом от Фёрзена донесение, но только через 6 или 7 дней, тогда как между ними обоими не было и 150 верст расстояния; до того сообщения были затруднительны. Суворов, поблагодарив за извещение, отвечал, что «переход чрез Вислу полон искусства», сообщил вкратце о всем происходившем в последнее время на театре войны и в заключение прибавил, как будто для сведения и руководства, что «ордер батальи Поляков — настоящий галло-тактический Фоллардов», что они «избирают боевые позиции в крепких и тесных местах» и проч.^[36]. . . .

Понинский донес Косцюшке, что небольшая часть корпуса барона Фёрзена собирается переправиться у Козеницы, а остальная у Пулавы; вслед затем сообщил, что Русские у Козеницы переправились. Косцюшко спешно отправился навстречу Фёрзену с войсками, находившимися под рукой, всего в числе 9–10,000 человек.

Встреча произошла при Мацеювичах; Фёрзен атаковал Поляков 28 сентября всем своим корпусом, силою около 12,000, предупреждая соединение Косцюшки с Понинским. Поляки были разбиты совершенно и понесли огромную потерю; сам Косцюшко, тяжело раненый, попался в плен. По словам графа Безбородко, победа Суворова при Бресте сделала в Польской войне переворот, а победа Фёрзена при Мацеювичах этот переворот закрепила.

Действительно, она имела огромное значение и прежде всего отразилась на образе действий самого Суворова. Задержанный в Бресте до октября, он начинал усваивать мысль, что кампанией того года война не окончится и что, прежде взятия Варшавы, придется расположиться на зимние квартиры. Дерфельден, по его мнению, возился над Гродном слишком долго, «делал томные марши»; у Репнина «время уходило на доклады»; о Фёрзене известий не было, и помочь ему не представлялось никакой возможности. Ко всему этому Австрийцы, понимая слишком узко свои интересы, то занимали, то очищали разные пункты польской территории, не предуведомляя союзника и не сообразуясь с его потребностями; чрез что затрудняли, а под час и вовсе прекращали его сообщения, препятствовали сбору провианта и фуража, приводя в негодование самого Румянцева. «Тако, сиятельнейший граф, близ трех недель я недвижим», писал Суворов Румянцеву: «и можно здесь сказать, что Магербал (сказал) Аннибалу — ты умеешь побеждать, но не пользоваться победой — Канна и Брест подобие имеют; время упущено, приближаются винтер-квартиры, сходно высокому намерению вашего сиятельства».

Но эта печальная необходимость была устранена победою Фёрзена, т. е. Суворов усмотрел в ней средство для перехода к наступлению. Он тотчас же сделал соответственные распоряжения. На отправляемой Румянцеву официальной бумаге было приписано: «поздравляю в живых первого героя, российского Нестора; Господь сил с нами». Фёрзену и Дерфельдену послано приказание — следовать по направлению к Праге. Фёрзен еще раньше получил от Репнина приказ — состоять в распоряжении Суворова; Дерфельден же продолжал оставаться в его, Репнина, команде, и никаких донесений Суворову не делал, чем этот был весьма недоволен. Потом, по настойчивым требованиям Суворова, Репнин подчинил ему и Дерфельдена; это распоряжение было утверждено в Петербурге, однако с оговоркою, что Фёрзен и Дерфельден отдаются под начальство Суворова только на нынешний случай, а по внутренней службе и довольствию остаются по-прежнему в ведении Репнина.

Но все это разрешилось поздно, перед самым выступлением Суворова из Бреста; Репнин уже собирался кончать кампанию и в этом смысле отдал приказание Дерфельдену. Не успел этот последний сделать распоряжений, как прискакал к нему от Суворова курьер с требованием, именем Румянцева, пользуясь победою Фёрзена, бить и гнать литовских инсургентов и идти на соединение с ним, Суворовым. Дерфельден был в недоумении, как поступить, но начальник его авангарда, граф Валериан Зубов, убедил его идти по зову Суворова. Совет такого лица, как брат фаворита, значил очень много и снимал большую долю ответственности в случае каких либо недоразумений; кроме того Дерфельден сам понимал фальшь всякого другого решения. Он донес Репнину и выступил из Белостока на Бельск и Брянск^[37]. Будет кстати при этом заметить, что взаимное положение Суворова и Репнина было очень не нормальное и что особенно трудно было Репнину, на которого возлагалась сложная и искусственная задача. Он писал в Петербург, управляющему военным департаментом, что «не знает, сам ли командует или отдан под команду», говоря: «ради Бога разведите нас, разделите между нами войска»^[38].

• *«Генералиссимус князь Суворов»* ([25], гл. 17^[39]): «... Все приготовления к штурму в русской армии были уже окончены; выбраны в полках стрелки, назначены рабочие, роздан шанцевый инструмент, объявлен по войскам приказ. Приказ этот прочитан в полках вечером 23 числа, до трех раз, чтобы каждый солдат подтверже его запомнил. В приказе сказано, чтобы полки строились в колонны по-ротно, стрелки впереди, с ними рабочие; людям с шанцевым инструментом, под начальством особого офицера, быть на правом фланге колонн. У рабочих ружья через плечо на погонном ремне. Идти в тишине, ни слова не говорить; подойдя же к укреплению, быстро кидаться вперед, бросать в ров фашичник, спускаться, приставлять к валу лестницы, а стрелкам бить неприятеля по головам. Лезть шибко, пара за парой, товарищу оборонять товарища; коли коротка лестница, — штык в вал, и лезь по нем другой, третий. Без нужды не стрелять, а бить и гнать штыком; работать быстро, храбро, по-русски. Держаться своих в середину, от начальников не отставать, фронт везде. В дома не забегать, просящих пощады — щадить, безоружных не убивать, с бабами

не воевать, малолетков не трогать. Кого убьют — царство небесное; живым — слава, слава, слава^[40].

Кроме этого приказа, общего для всех, Суворов дал дополнительную инструкцию Фёрзену, перед самым штурмом. В этой короткой записке указывается: при малейшем сопротивлении, атаковать и действовать наступательно, не давая опомниться, а если неприятель стоит спокойно на месте, то прежде всего окружить его конницей. Кричать ему: згода, пардон, отруць брон (бросай оружие); кто послушается, так отделять, давать им свободу и снабжать паспортами; кто вздумает обороняться, тех бить как сказано. Операцию вести быстро, действовать холодным оружием, принуждать к сдаче и не отдыхать до тех пор, пока все не будут забраны; о ходе дела доносить записками чрез каждые 3 часа^[41]».

Ряд замечаний о родственниках И.Е. Фёрзена. Бароны Шлиппенбах, Андрей Иванович^[42], Максим Иванович^[43], Антон Иванович^[44] и Егор Иванович^[45] упоминались в статье автора «Бароны Шлиппенбах — офицеры императора Александра I» [18]. Они — отцы и дяди девяти российских офицеров, принимавших участие и отличившихся в ряде кампаний начала 19-го века, включая Отечественную войну 1812 года. Между всеми этими лицами и И.Е. Фёрзеном имеются близкие родственные связи, о чем, безусловно, знали их сыновья, участники той войны.

Граф (с 1795 г.) Иван Евстафьевич Фёрзен и бароны Шлиппенбах — двоюродные братья по материнской линии. И.Е. Фёрзен — сын баронессы Анны Фридерики Шлиппенбах^[46], второй из трех внучек^[47] Вольмара Антона Шлиппенбаха и его жены Хелены Ливен. Анна Фридерика замужем за бароном Карлом Густавом Фёрзеном. Ее старшая сестра, Хелена Шарлотта^[48], была замужем за графом Эберхардом Густавом Цойге фон Мантейфелем. Ее младшая сестра, Сири Шарлотта^[49], была замужем за Отто Иоганном Шлиппенбахом из курляндской ветви рода и у нее-то и были сыновья: упомянутые выше Андрей Иванович, Максим Иванович, Антон Иванович и Егор Иванович Шлиппенбах.

Итак, прадедами И.Е. Фёрзена по материнской линии были Вольмар Антон Шлиппенбах^[50] и Герхард Иоганн Левенвольде^[51]. Как пишет Бантыш-Каменский, И.Е. Фёрзен был «небольшого роста, худощав; с нравом горячим соединял доброе сердце, отличался храбростью и правотою, дорожил солдатами». Всем этим, включая телосложение, он очень похож на своего прадеда В.А. Шлиппенбаха. Важное отличие между ними, пожалуй, было лишь в том, что, командуя войсками в 1700–1704 гг., В.А. Шлиппенбах никогда не располагал силами, сколько-нибудь адекватными по численности войскам неприятеля: численное превосходство его постоянного противника Б.П. Шереметева всегда было^[52] примерно 8:1.

Через Герхарда Иоганна Левенвольде, бабушкой которого была Изабелла Гордон оф Кенмур (см. [39] и [28], [27]), И.Е. Фёрзен является прямым потомком древних шотландских родов, таких как Архарт, Грант, Стюарт, Сетон, Огильви, Лесли, Кэмпбелл, Форбс, Дуглас, Кит, Гамильтон, Брюс.

Возвращаясь к двоюродным братьям И.Е. Фёрзена по материнской линии, жившим с ним в одно время, следует отметить схожесть их офицерских карьер. Все они с честью служили в эпоху Екатерины II.

- *Андрей Иванович Шлиппенбах* род. 11 октября 1745 г. Вступил в службу в 1760 г. Кадет (4.7.1760), корнет (3.5.1764), поручик (1.1.1770), ротмистр (1772), секунд-майор (4.7.1776), премьер-майор (13.3.1786). Находился в походах: в 1767, 1769, 1770, 1771, 1774, 1778, 1779 в Польше и в Турции. После выхода в отставку — директор государственного конского завода в Пахринской. С 31.12.1791 надворный советник; на 1769 г. в ведомстве Придворной конюшенной конторы.

- *Максим Иванович Шлиппенбах* род. 21 октября 1746 г., похоронен 2 апреля 1809 г., в гор. Феллин. Он вступил в службу в 1760 г. Кадет (1760), Корнет (4.8.1765), Поручик (1.1.1771), Ротмистр (1772), при выходе в отставку секунд-майор (17.1.1778). В походах: с 1767 до 1774 в Польше, в боевых действиях против турок в 1774. На статской службе с 28.11.1788, с 31.12.1793 — коллежский асессор в ведомстве Придворной конюшенной конторы (упоминание в 1769).

- *Антон Иванович Шлиппенбах* род. 18 ноября 1747 г. Вступил в службу в Ямбургский карабинерный полк (1760), вахмистр (1763), адъютант ген.-майора (1764), «отставлен был от службы поручиком» (1766 ноября 3-го), «принят по-прежнему в службу» (1768 февраля 22-го), ротмистр (1772), «отставлен от службы секунд-майором» Ямбургского карабинерного полка (1774 января 20-го), «принят в службу» (1777 августа 28-го), «третично отставлен» (1779 мая 1-го), «паки принят в службу» (1779 декабря 23-го), вышел в отставку по болезни (3.7.1783). После (Указ Сената 21.2.1785) 8.5.1785 — годорничий г. Велиж Полоцкой губ. (упоминания в 1788, 1793, 1796). В 1787 году получил «в знак монаршего благоволения бриллиантовый перстень», доставленный с нарочным курьером. В чине надворного советника был в 1799 г. переведен городничим в Лебединь. Женат (см. [35]) первым браком на баронессе Анне Луизе баронессе фон Гаугребен (Gaugreben), дочери барона Карла Каспара фон Гаугребена, генерал-лейтенанта на русской службе, коменданта Ревеля, и баронессы Анны Елизаветы фон Поссе. Дата и место свадьбы: Ринген (Ringen), 1 января 1781. Вторым браком женат на графине Марии Сергеевне Миних. О нем имеется биографическая статья в книге [31].

- *Егор Иванович Шлиппенбах* род. в 1757 г. Женат первым браком на Кристине Амалии фон Унгерн-Штернберг (Christina Amalia Agatha v. Ungern-Sternberg). Дата и место свадьбы: Голдинген (Goldingen), 20.3.1778. Женат вторым браком на Генриетте (Henriette), вдове адмирала фон Рорбург (v. Rorburg), урожденной фон Лёвис (v. Löwis). Дата свадьбы: 26.7.1789.

В заключение этого раздела упомянем двух довольно дальних родственников И.Е. Фёрзена, но принадлежащих именно к этому весьма обширному роду.

- *Ханс Аксель Фёрзен, шведский граф*, дипломат и военачальник. К сведениям, сообщавшимся о нем ранее, стоит добавить (см., например, [40]), что в июне 1791 г. он подготовил побег королевской четы из Франции. Проводив её до Бонди, находившемся в паре миль от Парижа, он затем поехал другой дорогой, чтобы сбить преследователей со следа. После того как король с королевой были

схвачены в Варенне, Фёрзен перебрался в Бельгию, где в качестве шведского дипломатического агента находился вплоть до 1794 г. Он продолжал поддерживать тайную переписку с королем и королевой, находившимися под домашним арестом в Тюильри, а в феврале 1792 г. с риском для жизни, переодевшись, лично нанёс им визит. В дальнейшем Фёрзен делает все возможное для спасения королевской семьи и участвует в создании европейской коалиции против революционной Франции.

Романтическое описание этой захватывающей, хоть и трагичнейшей, истории «галантного» 18-го века, завершившегося одной из самых кровавых революций, читатель найдет в романе Стефана Цвейга «Мария Антуанетта».

Ханс Аксель Фёрзен, в качестве шведского офицера, в возрасте около 35 лет принимал участие в русско-шведской войне 1788–1790 гг. Иван Евстафьевич (Hans Heinrich) Фёрзен в 1790 г. в возрасте около 45 лет действовал в Финляндии против шведов в качестве русского офицера. Но это не делает их врагами^[53].

• *Ермолай (Герман) Егорович Фёрзен*^[54]. Согласно статье из книги «Русский биографический словарь» [24] А.А. Половцова, «генерал от инфантерии, род. в 1742 г., умер после 1801 г. Происходя из эстляндских дворян, в действительную службу вступил, по окончании курса в Сухопутном шляхетском корпусе, в 1761 г. л-гв. в Преображенский полк прапорщиком, где оставался до 1 янв. 1770 г., когда, с переименованием в подполковники армии, был переведен в С.-Петербургский легион. В 1774 г. Фёрзен произведен в чин полковника, а, по переформировании легиона, поступил в состав Ревельского пехотного полка, с которым продолжал свое участие в походах с 1770 по 1780 г. против конфедератов Польши, и за отличие произведен 24 ноября 1779 г. в бригадиры, а год спустя — в генерал-майоры, с оставлением в том же полку. Уволенный 1 янв. 1785 г. в отставку, Фёрзен, со вступлением на престол императора Павла I, был снова принят на службу и 18 дек. 1796 г. определен шефом в Тобольский мушкетерский его имени полк. 19 июня 1797 г. произведен в ген.-лейтенанты, 21 апр. 1799 г. пожалован чином генерала от инфантерии и 14 янв. 1801 г. вновь отставлен, по прошению, от службы. Фёрзен был женат на вдове графине Бржостовской, урожденной княжне Радзивил».

Источники. Форм. спис., хранящ. в Моск. отд. общего архива Гл. Штаба.

Если иногда историки путают шведского графа Х.А. Фёрзена и русского графа И.Е. Фёрзена, то русских генералов от инфантерии И.Е. Фёрзена (он в этом чине с 1798 г.; с 03.12.1796 г. по 17.09.1797 г. — шеф Киевского гренадерского полка^[55]) и Е.Е. Фёрзена (он в этом чине с 1799 г.; с 01.10.1798 г. по 14.01.1801 г. — шеф Тобольского мушкетерского полка) путают уж слишком часто^[56]. Но вряд ли их могли перепутать современники.

В этой связи упомянем мемуары [33] Александра Васильевича Храповицкого, который с 1782 г. по 1793 г. состоял личным секретарем Екатерины II и, пользуясь неограниченным доверием, заносил в дневник свои наблюдения о мельчайших подробностях её повседневной жизни. К марту 1788 г. относится следующая запись под номером 18: «По случаю просьбы отст[авного] ген[ерал]–майора Фёрзена, женатого на Радзивилловой, пропели:

Но мы не виноваты,
Что были глуповаты.

Такому великорослому нет места в корабле. Великая разность с другим Фэрзеном: тот герой и со временем будет подпора государства». Екатерина II была прозорлива: так со временем и вышло.

Заключение: еще несколько слов «в защиту дедов». Статья Сергея Федоровича Глинки, написанная в 1913 г. и переизданная в первом выпуске Сборника трудов потомков участников Отечественной войны 1812 г. (см. [10]), называется «В защиту дедов». В этой статье, при полном уважении к литературному мастерству графа Л.Н. Толстого, С.Ф. Глинка делает ряд возражений, к которым и мы присоединим свое замечание.

В главе XXV романа «Война и мир» графа Л.Н. Толстого^[57], в которой описана ночь перед Бородинской битвой, есть такой эпизод:

« — Да, im Raum verlegen^[58], — повторил, злобно фыркая носом, князь Андрей, когда они проехали. — Im Raum^[59] — то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему^[60] это все равно. Вот оно то, что я тебе говорил, — эти господа немцы завтра не выиграют сражение, а только нагадят, сколько их сил будет, потому что в его немецкой голове только рассуждения, не стоящие выеденного яйца, а в сердце нет того, что одно только и нужно на завтра, — то, что есть в Тимохине. Они всю Европу отдали ему и приехали нас учить — славные учителя! — опять взвизгнул его голос».

Слова эти герой романа князь Андрей Болконский относит к реальным лицам — Вольцогену и Клаузевицу: «... по дороге недалеко от сарая застучали копыта трех лошадей, и, взглянув по этому направлению, князь Андрей узнал Вольцогена с Клаузевицем, сопутствуемых казаком».

Но каждому ли читателю романа «Война и мир», встретившему пассаж о том, что «господа немцы завтра не выиграют сражение, а только нагадят, сколько их сил будет», понятно различие между, скажем, военными теоретиками немцами Вольцогеном и Клаузевицем и «немцем» (на самом деле «подданным Голландии») бароном Борисом Романовичем Вестергольте^[61], и немцем, бароном Антоном Андреевичем Шлиппенбахом, действительными участниками Бородинского сражения?

Если первые два, возможно^[62], и «приехали нас учить», то барон Вестергольте в мае 1811 г. приехал в Россию сражаться за свою оккупированную родину Голландию, куда он вернулся сразу же после победы. Барон же Шлиппенбах, который принял командование эскадрой лейб-Кирасирского Ея Величества полка от раненого во время Бородинского сражения майора барона Вестергольте и вслед за этим «храбро врубился в неприятельскую кавалерию и опрокинул оную, истребя бóльшую часть неприятельского кирасирского полка», защищал именно и только Россию, свое отечество. Он защищал свое и своих родственников прошлое и будущее, своего отца и мать, живших в Рязанской губернии, и свою будущую жену, жившую в Пензенской губернии.

Старый князь Болконский в замечательной сцене прощания с сыном^[63], уезжавшим к армии, велит написать историю суворовских войн^[64]. Вряд ли он позволил бы кому бы то ни было, особенно сыну, оскорбительно отзываться об И.Е. Фёрзене, немце по происхождению, своем и Суворова соратнике.

Приложение: из чего же сделалась «Метель» Пушкина?

Итальянская исследовательница Антония Глассе в своей интереснейшей работе [9], названной ею «Из чего сделалась «Метель» Пушкина», пишет: «... повесть сделана как пародия на «Новую Элоизу» Руссо. «Метель» — пародия на историю Строгановой и Фёрзена, созданная в контексте и средствами романа Руссо».

Не вдаваясь в литературоведческие детали, приведем лишь одну дневниковую запись (от 22 августа 1829 г.; это одна из основ работы [9]). Она принадлежит Анне Олениной, близкой подруге Ольги Строгановой, знавшей весь ход любовной истории. Вот её перевод с французского оригинала, где употребляются такие русские слова и выражения, как «побег» и «ай да баба!» ([21], стр. 130–131):

«Карьера Ольги Строгановой кончена^[65]. Проявив всю возможную ветренность по отношению к графу Фёрзену (худшему представителю этого типа), после тайной переписки и таких же встреч, она приняла решение и заставила себя похитить (Sic! — *B.M.*) 1-го числа июля месяца. Уже довольно давно решила она на этот беспримерный шаг. Каждый раз, катаясь верхом вместе с сестрами, она пускалась в быстрый галоп и бросала на землю записку, которую подбирал этот господин. И вот отъезд в Городню решен. Она пишет ему записку, где говорится: «женитьба или смерть». Скоро всё готово для отъезда в деревню. Вечером она притворяется, что у нее болит голова, выглядит нездоровой и взволнованной, просит разрешения удалиться, выходит в сад, там ожидает ее Бреверн, один из сообщников, везет на Черную речку, и они садятся на паром. Выходя, поскольку они очень спешили, Бреверн бросает Ольгу прямо с борта в экипаж, где уже оказывается Фёрзен. Они отбывают в Тайцы, там ожидают свидетели, Соломирский-старший и Ланской^[66]. Священник согласился венчать лишь с тем условием, что ему заплатят пять тысяч рублей и обеспечат тысячу в год. Обвенчали их только к 5 утра, после чего они отправились в Тайцы, где их ожидала модистка, чтобы прислуживать Ольге. В это время в доме Строгановых горничная, войдя в комнату Ольги и не найдя ее там, сообщила эту новость графине. Бедная мать! Так раскрылся побег. Мать ее простила, но Фёрзены вернулись только вечером. Ольга решила ехать с мужем на маневры. Ай да баба! Приехал Император. Думали, что он простит виновных. Он же, напротив, велел их судить. Фёрзена отправили в какой-то гарнизон, свидетели за подпись ложных документов были переведены в армию. Ольга последовала за мужем. Она не чувствует никакого раскаяния...».

И если А. Глассе помнит, что Ольга Павловна Строганова — внучка по матери Наталии Петровны Голицыной^[67], знаменитой «усатой княгини», прообраза

графини в «Пиковой даме» А.С. Пушкина, и этим объясняет особенности характера Ольги Павловны, то почему не вспомнить, что граф Павел Карлович Фёрзен — не столько «стройный белокурый красавец скандинавского происхождения»^[68], слывший в обществе отъявленным шалопаем^[69], несмотря на успехи по службе в Кавалергардском полку», сколько родной внук Ивана Евстафьевича Фёрзена и, следовательно, прямой потомок в IV-м поколении родной сестры трех графов Левенвольде^[70].

Одному из них, Густаву Рейнгольду, приписывается фантастический успех у женщин, включая «безмерную преданность» Натальи Лопухиной (ур. Балк), «первой красавицы эпохи». За слова сочувствия к нему, сосланному после елизаветинского переворота в Соликамск, она подверглась казни с усечением языка и многолетней ссылке.

Кстати, Строгановы и Левенвольде знакомы не одно поколение: «... Строгановы, владеющие богатыми заводами и соляными варницами в этой местности (Соликамске. — *В.М.*), старались насколько возможно облегчить его (графа Густава Рейнгольда Левенвольде. — *В.М.*) участь, доставляя ему все потребное для пропитания и содержания» ([24], стр. 135).

Но это уже другая история.

Примечания

[1] По-немецки его имя звучит так: Hans Heinrich Fersen.

[2] Фёрзен Иван Евстафьевич фон, бар., прем.-майор, за отл. ([6], стр. 178).

[3] Фёрзен Иван Евстафьевич фон, бар., подполк. Свияжского бат. «За отличную храбрость, оказанную в разных баталиях: 1770 года сентября 1-го при городе Аккерман, в 1771 году при экспедиции за Дунаем, июля 20-го при взятии неприятельской батареи; в 1773 году в крепости Гирсове и при завладении Гуробал, того же года против Силистрии и на марше к городу Шумле». ([6], стр. 126).

[4] Фёрзен Иван Евстафьевич, бар., ген.-пор. «Во уважение на усердную службу и отличной храбрости, оказанной им 29-го сентября противу мятежников польских, при Мациовице, где он взял главного возмутителя Костюшку с чиновниками и пленил всю его артиллерию». ([6], стр. 118).

[5] Е.П. Карнович в своей статье «Титулы в России» пишет: «В продолжительное царствование Екатерины II несколько лиц из русских подданных, имевшие невысокие чины или даже вовсе их не имевшие, получили графское достоинство от иностранных государей; но сама государыня пожаловала титулы графов Российской империи сравнительно весьма немногим. Так, ею были пожалованы графами: камергер Иван, генерал-поручик Григорий, генерал-майор Алексей и камер-юнкеры Федор и Владимир Григорьевичи Орловы, в 1767 году — действительный тайный советник Никита Иванович и генерал-аншеф Петр Иванович Панины, в 1775 году — президент военной коллегии Григорий Александрович Потемкин; в 1789 году — генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов с наименованием «Рымникский»; в 1790 году — генерал-аншеф Николай Иванович Салтыков; в 1793 году — генерал-аншефы: Михаил Никитич Кречетников и Павел Сергеевич Потемкин, и генерал-поручик барон Фёрзен». Е.П. Карнович ошибается относительно И.Е. Фёрзена лишь в дате: он был возведен в графское Российской империи достоинство 1 января 1795 г.

[6] Приведем биографический очерк полностью: «Фёрзен, барон Иван Евстафьевич (впоследствии граф) — выдающийся русский полководец, генерал от инфантерии. Еще в молодые годы, будучи подполковником, оказал выдающиеся отличия в турецкую войну 1769–1774 гг. В 1790 г. действовал в Финляндии против шведов. Особенно выдвинулся он в войну 1792–1794 гг. против поляков и приобрел громкую известность поражением и пленением Костюшки в сражении при Мадеевицах. Затем он участвовал во взятии Праги Суворовым. В 1797 г. был назначен директором нынешнего 1 кадетского корпуса; вскоре вышел в отставку и умер в своем лифляндском поместье». Последнее утверждение ошибочно: из многочисленных источников известно, что И.Е. Фёрзен скончался в г. Дубно.

[7] «В воспоминание о благодетельном для нашего Отечества царствовании Великой Императрицы» — это слова ходатайства петербургского генерал-губернатора князя А.А. Суворова (внук генералиссимуса), с которым он в 1863 г. обратился к Александру II.

[8] Согласно проекту архитектора Д.И. Гримма, утвержденному за год до смерти Александром II. Кроме трех бюстов, изготовленных скульптором М.П. Поповым, других сделано не было и проект остался неосуществленным.

[9] Из стихотворения А.С. Пушкина «Перед гробницею святой», написанного в тяжелом для России 1831 г.; оно посвящено М.И. Кутузову (5.09.1747–16.04.1813), но в равной мере строки

«... Сей остальной из стаи славных
Екатерининских орлов...»

можно отнести и к герою настоящей статьи.

^[10]Роды Фёрзен, Шлиппенбах и Левенвольде находятся, как явствует из [36], [34], [28], [27], в сложном родстве. Ограничимся замечанием, что мать И.Е. Фёрзена, Анна Фредерика Шлиппенбах (1725–1779), приходится тётёй Антону Андреевичу Шлиппенбаху, мать которого, Сири Шарлотта, приходится ей родной сестрой. Согласно [36], отец И.Е. Фёрзена, Карл Густав Фёрзен (1717–1790), принадлежит к следующей линии рода: II Linie [Kirna], 2 Ast [Kirna], 2 Zweig [Ollustfer]. Мать И.Е. Фёрзена (см. [36], [27], [28] и [39]) происходит от Барбары Доротеи Фёрзен (I Linie [Rayküll], 1 Ast [Rayküll], 1 Zweig [Rayküll]). Но обе указанные линии восходят к Герману Фёрзену (ск. 1575).

^[11]Согласно биографической статье об Иване Евстафьевиче Фёрзене, написанной А. Гулевичем и помещенной в книге [24], Фёрзены — «древняя дворянская фамилия, ведущая свое начало от тюрингенского уроженца Pherson или Fersen. Впоследствии Фёрзены встречаются в Шотландии, Швеции и Лифляндии. Родоначальником лифляндской ветви, к которой принадлежал барон Иван Евстафьевич, является известный в 1471 г. grosмейстер Ливонских рыцарей Иоанн Вальдгаузен-фон-Фёрзен».

Но в родословной росписи из [36] род Фёрзенов показан от Конрада фон Фёрзена (1281–1313); информация о нисходящей линии рода от Лоренца фон Фёрзена (1494–1546) и его жены Анны фон Фюрстенберг, имеющаяся в [28] и [27], согласуется с информацией из [36] и дополняет ее в отношении Барбары Доротеи фон Фёрзен, жены Георга Иоганна фон Лёвена. Она — сестра Отто Вильгельма (1623–1703) и Германа (ок. 1630–после 1687) фон Фёрзенов и мать Магдалены Элизабет фон Лёвен, жены Герхарда Иоганна фон Левенвольде, отца лиц, в отношении которых составлены документы [28] и [27]. В отношении двух поколений, предшествовавших Лоренцу фон Фёрзен (1494–1546), информация в [36] и в [28], [27] расходится.

^[12]Фельдмаршал Отто Вильгельм Фёрзен (1623–1703), упоминавшийся в предыдущем примечании. Заметим, что его дочь Юлиана Хелена (1673–1755) была замужем (с 1719 г.) вторым браком за Хейнрихом Иоганном Шлиппенбахом (1679–1748), сыном Вольмара Антона Шлиппенбаха.

^[13]В [36] шведская графская (с 28.III.1712) линия (I Linie [Rayküll], 2 Ast [Laupa], 1 Zweig [Abia]) в роде Фёрзен показана от Рейнгольда Иоганна Фёрзена (после 1651–1716).

Согласно [40], граф Ханс Аксель Фёрзен (1755–1810) — шведский дипломат и военачальник. Родился 4 сентября 1755 г. в Стокгольме. Был старшим сыном графа Фредерика Акселя Фёрзена (1719–1794) и Хедвиги Катарины Делагарди. В возрасте 15 лет был послан на учёбу в военную школу в Брауншвейге, затем, совершив поездку по нескольким странам Европы, в 1775 г. вернулся в Швецию, где был произведён в капитаны Лейб-драгунского полка. В 1778 г. отправился во Францию, где ещё в 1770 г. поступил лейтенантом на службу в полк Руайаль-Бавьер, и был произведён в полковники.

Был принят в высшем свете Парижа и сделался вхожим к королеве Марии-Антуанетте. Последнее обстоятельство породило слухи о том, что шведский граф был любовником королевы. Шведский посол во Франции Г.Ф. Крёйц в письме к Густаву III предполагал, что царственная особа была влюблена в Х.А. Фёрзена.

В 1780–1783 гг. он в качестве адъютанта графа Рошамбо участвовал в войне американских штатов за независимость, отличившись в 1781 г. при осаде Йорктауна. В 1783 г. возглавил полк Руйаль Сведуа (Royal suédois). Одновременно получил повышение и в Швеции, став в 1782 г. полковником, в 1783 — подполковником Лейб-драгунского полка, а в 1787 — капитан-лейтенантом корпуса Лейб-драбантов и подполковником Адельсфана, в коем качестве он в 1788 г. принял участие в русско-шведской войне 1788–1790 гг. В дальнейшем военная карьера Х.А. Фёрзена развивалась столь же успешно: в 1792 г. он становится генерал-майором, в 1802 — генерал-лейтенантом, а в 1809 г. — генералом. Кроме того, в 1799 г. он был назначен канцлером Упсальского университета, а в 1801 риксмаршалом.

С 1788 по 1791 г. Х.А.Фёрзен практически непрерывно находился во Франции. Пользуясь расположением королевской семьи к Фёрзену, Густав III часто пользовался его посредничеством в переговорах в обход официального шведского представителя. После Французской революции и эмиграции многих членов королевской фамилии за границу Х.А. Фёрзен становится одним из ближайших советников Людовика XVI и Марии-Антуанетты. В июне 1791 г. Фёрзен подготовил побег королевской четы из Франции. Он проводил её до Бонди, находившемся в паре миль от Парижа, затем поехал другой дорогой, чтобы сбить преследователей со следа. После того как король с королевой были схвачены в Варенне, Х.А. Фёрзен перебрался в Бельгию, где в качестве шведского дипломатического агента находился вплоть до 1794 г. Он продолжал поддерживать тайную переписку с королевской парой, находившейся под домашним арестом в Тюильри, а в феврале 1792 г. с риском для жизни, переодевшись, лично нанёс ей визит. В дальнейшем Х.А. Фёрзен продолжает вынашивать планы по спасению королевской семьи и участвует в создании европейской коалиции против революционной Франции.

После казни Марии-Антуанетты, состоявшейся 16 октября 1793 г., его связи с Францией оборвались. В 1794 г. герцог Сёдерманландский, подозревавший его в связях с любимцем Густава III Армфельдом, отозвал Фёрзена из Брюсселя. В 1797 г. он был послан шведским представителем на Раштадский конгресс, однако французский посланник отказался признать за ним этот статус. Более успешно сложилось его поезде к баденскому двору для составления брачного контракта между королём Густавом IV Адольфом и принцессой Фредерикой.

Пользовавшийся большим уважением у нового короля, Х.А. Фёрзен был не слишком хорошим политиком, чтобы оказывать какое-либо влияние на его правление. Он не принял участия в перевороте 1809 г. и, будучи легитимистом, крайне не одобрял отстранение от власти сына свергнутого короля, в связи с чем его причисляли к сторонникам Густава IV Адольфа. Когда в 1810 г. в Сконе неожиданно скончался назначенный наследником престола Кристиан Аугустенбургский, по стране поползли слухи, что он был отравлен по совету Фёрзена его родной сестрой, графиней Пипер.

20 июня 1810 г. тело умершего кронпринца везли в шведскую столицу. Х.А. Фёрзен в качестве риксмаршала ехал впереди процессии, чем вызвал возмущение толпы, которая набросилась на него. Когда он попытался укрыться в ратуше, толпа вытащила его оттуда и растерзала.

Граф Х.А. Фёрзен никогда не был женат и не имел официально признанных детей. Его дневник и переписка были опубликованы в 1878 г. под названием «Le comte de Fersen et la cour de France» (см. [37]). Стефан Цвейг в известном романе «Мария Антуанетта» опирается на романтический анализ этого источника.

[14] Отец — Михаил Алексеевич Горчаков (1768–1831), генерал-майор (1800). Участвовал в Отечественной войне 1812 г. В 1813 г. был командиром 3-го резервного Кавалерийского корпуса. Елена Васильевна Фёрзен в первом браке замужем за бароном Иоганном-Густавом фон дер Остен-Сакен.

[15] По-немецки его имя звучит так: Hans William Fersen (14.V.1858–6.V.1937); его родителями были барон Karl Dietrich Ernst Nikolai Fersen (1821–1872) и графиня Alexandrine Stenbock (1839–1912). Он принадлежит к следующей линии рода: II Linie [Kirna], 2 Ast [Kirna], 1 Zweig [Laura], 1 Haus [Wredenhagen] (см. [36]).

В.Н. Фёрзен на службе с 1876 г.; мичман (1880), лейтенант (1885), капитан 2 ранга (1899), капитан 1 ранга (1905), контр-адмирал (1910), вице-адмирал (1913). Командир миноносца «Взрыв» (1896 и 1897 гг.), старший офицер крейсера 2 ранга «Африка» (1897–1899), морской агент (атташе) в США (1899–1902), командир крейсера 2 ранга «Изумруд» (1902–1905), и.д. командира Владивостокского порта (1906–1907), командир крейсера «Аврора» (1907–1905), командующий под брейд-вымпелом 2-й минной дивизией Балтийского моря (1908–1910), начальник 2-й минной дивизии Балтийского моря (1910–1911), начальник бригады крейсеров

эскадры Балтийского моря (1911–1913), начальник бригады линейных кораблей Балтийского моря (1913–1914), член Главного военно-морского суда (1914–1917).

Награжден: орденами Св. Станислава 2 ст. (1898) и 1 ст. (1912), Св. Анны 2 ст. (1902) и 1 ст. (1914), Св. Владимира 3 ст. (1906) и 2 ст. (1915); медалями в память царствования императора Александра III (1896), Русско-японской войны 1904Ц1905 гг. (1906), 300-летия царствования дома Романовых (1913) и 200-летия Гангутской победы (1915); золотой саблей с надписью «За храбрость» (1905) и золотым знаком окончания курса Морского корпуса (1910).

Уволен со службы 13 апреля 1917 г. Скончался 14 мая 1937 г. в Эстонии. Мемуарные воспоминания о нем содержатся в книге [16]: «Барон — голубоглазый великан с открытым добродушным выражением лица, любезно предложил показать мои будущие владения. “Вот это лазарет на семь коек; здесь аптека, здесь ванная. Здесь же в моем помещении вы расположите свой боевой перевязочный пункт; мне кажется — здесь всего удобнее; можно и в кают-компаниях: там просторнее, зато подача раненых затруднительнее. Впрочем, как хотите. Выбирайте, где Вам удобнее. А вот и Ваша каюта, рядом с лазаретом”...».

[16] Последующее затопление «Изумруда», севшего на мель, многими рассматривается как ошибка В.Н. Фэрзена, хотя при ближайшем рассмотрении фактов вполне рациональные причины такого решения находятся, особенно если иметь в виду, что главной целью командира «Изумруда» после «позора Цусимы» было любой ценой не допустить захвата крейсера японцами.

[17] Автор статьи в «Русском биографическом словаре» А.А. Половцова [24] — А. Гулевич.

[18] В оригинале дается ошибочная дата рождения: 1759 г.

[19] Интересно привести анализ действий Костюшко со стороны его почитателей, таких как польский историк Юзеф Мацеёвский. В книге [20], изданной на польском языке в 1935 г., он пишет: «... шел Костюшко к Варшаве очень медленно, ведя за собой прусского короля и Фэрзена. Если бы из-под Полонца сразу пошел на Варшаву, мог бы занять такую позицию, чтобы защитить столицу от осады. Оборона Варшавы была великим событием. Делает честь и горожанам, и Костюшко, который почти два месяца не досыпал. В ночь с 5 на 6 сентября российско-прусская армия сняла осаду, но это не спасло восстание, поскольку неприятель не был побежден. Могло спасти другое. Когда неприятельские войска сняли осаду, они разделили свои силы. Пруссаки с королем, сильно обескураженные, отступили в Келецкое и Краковское воеводства, а русские с Фэрзеном пошли в верховья Вислы с намерением соединиться с Суворовым, который был еще далеко. Пруссаки наконец оставили нас в покое. Фридрих Вильгельм отправился в Берлин, а его армия расположенная около Копина на зимовку, должна была сражаться с повстанцами в Великой Польше и около границ Силезии. Однако оставалась российская армия. В тот момент она не являлась для нашей армии непобедимой. Российские силы, действующие против нас, были разделены огромными пространствами, имели затруднения из-за осенней распутицы. Ближайшим был Фэрзен, который разбил свой лагерь под Козеницами для того, чтобы переправиться через Вислу и соединиться с другими российскими корпусами. Фэрзен мог иметь около 16 тысяч солдат (из них около 7 тысяч кавалерии). Суворов с 11 тысячами и 16 орудиями шел на Брест-Литовск и был отделен припятскими болотами и беловежскими лесами от Дерфельдена, командовавшего там российским корпусом, который после захвата Вильно шел на Гродно. Для вождя с большим военным талантом не оставалось бы ничего иного как по отдельности разбивать российские корпуса, вначале Фэрзена, потом иных. Каждый из тех трех корпусов не мог по отдельности нас победить, а все три вместе составляли силу, с которой нам было не справиться. Польские силы в тот момент доходили до 74 тысяч, среди них около 25 тысяч было слабо-вооруженных, но обученных повстанческих формирований. Однако, способных к сражению можно было выставить 50 тысяч. Но, на несчастье, и наши войска делились на ряд отдельных подразделений, далеко друг от друга находящихся. Главные корпуса сражались без всякой

связи между собой. Костюшко для концентрации войск ничего не делает. Только разгром корпуса Сераковского под Крупчицами и Тересполем заставляет Костюшко действовать. Он отправляется в Гродно, а оттуда — против Фёрзена, который успел уже переправиться через Вислу. Почему командующий допустил это? Почему не ударил по Фёрзену до того, как тот успел переправиться через Вислу? Правда переправу должен был удерживать генерал Понинский, который, имея всего четыре тысячи войска, в то время, как Фёрзен 16 тысяч, не мог и подумать об удачных действиях. Фёрзен после переправы направился на Брест. Только сейчас Костюшко сориентировался, поняв, что должен разбить армию Фёрзена. Против него необходимо было выставить 20-тысячную армию. Тем временем Костюшко двинулся с 10 тысячами, а корпус Понинского имел около 15 тысяч. К действиям против Фёрзена был привлечен и деморализованный поражениями корпус Сераковского. Из Варшавы вышел отличный полк Дзялинских. Понинский должен был атаковать тылы и фланги Фёрзена, но не сделал этого, что сильно подозрительно, хотя его предательство не доказано. Поэтому силы Костюшко уменьшились на 3500 человек. Пару тысяч из своей армии командующий должен был оставлять на постах, часть из них была измучена форсированными маршами. Поэтому в конце концов против Фёрзена выступило восемь тысяч нашего войска. Так как ни один из корпусов, необходимых на своих местах, нельзя было двинуть. Оставалось взять силы из Варшавы, где стояло 25 тысяч войска.

Использование 25-ти, а не восьми тысяч в битве под Мацеёвицами перевесило бы чашу в нашу пользу. Если Костюшко из Варшавы двинулся не с 25 тысячами, то поводом этому было опасение, что в лишенную войск столицу легко могли войти пруссаки. Опасение это было напрасным. Пруссаки и не думали воевать. Вторично в Варшаву можно было бы легко вернуть Понятовского, Каминского и Кольшко из-под Бзуры. Домбровский сражался в Великой Польше и даже занял Быдгощ, победив Текели. Если бы даже пруссаки попробовали оккупировать столицу, была бы эта оккупация кратковременной, и ей бы препятствовало население столицы. Не понятно, почему Костюшко выступил против Фёрзена с такими малыми силами, почему столько войска оставил в Варшаве, хотя знал, что бой с Фёрзеном являлся боем, в котором решалась судьба восстания. Битва эта была, конечно, проиграна и вызвала третий раздел Польши. Может быть, Мацеёвицкая битва, даже выигранная, не стала бы решающей в защите Польши, однако от победы в ней зависела дальнейшая судьба восстания. Под Мацеёвицами легло три четверти нашей армии, ранен был и попал в плен сам Костюшко. Нужно признать, что хотя он и делал ошибки, хотя сражение проиграл, но вину свою окупил собственной кровью, а в истории его личность всегда будет идеалом польской чести и как солдата, и как гражданина. Поражение под Мацеёвицами стало непосредственным поводом третьего раздела Польши».

^[20]Костюшко, Анджей Тадеуш Бонавентура (04.02.1746–15.10.1817) — польский и американский военный и политический деятель, участник Войны за независимость США, организатор польско-литовского восстания 1794 г., национальный герой Польши и США.

Родился в селе Меречёвщина около Коссово (современная Беларусь, в то время в составе Речи Посполитой) в среднепоместной шляхетской семье белорусского происхождения. В 1755 г. вместе со старшим братом поступил в школу монашеского ордена пиаристов в городе Любешове, где проучился до 1760 г. С 1765 по 1769 гг. учился в созданной Станиславом Понятовским Рыцарской школе в Варшаве, фактически в военной академии, где готовили образованных офицеров. Помимо военных предметов там преподавали всемирную историю и историю Польши, математику, философию, право, экономику, польский, латинский, немецкий и французский языки. Уже тогда Костюшко удивлял окружающих аскетизмом, волей и целеустремленностью, напомиавших его товарищам о Карле XII, за что он получил прозвище «Швед». Тадеуш стал одним из самых уважаемых кадетов. Он избрал военно-инженерную специализацию и окончил эту школу в чине капитана.

В 1769 г. Костюшко и его товарищ Орловский получили королевскую стипендию и отправились в Париж для обучения в военной академии. В 1774 г. Костюшко вернулся в Польшу.

Места в польской армии не нашлось. Офицерскую должность на тот момент можно было только купить за большую сумму. За несколько лет брат растратил свои деньги, часть денег Тадеуша и влез в долги. Средств не хватало, и Тадеуш был вынужден заняться репетиторством — поступил на службу к магнату Иосифу Сосновскому, обучая рисованию двух его дочерей. Старшая — Людвика — влюбилась в учителя. Понимая, что отец Людвики не благословит брак, молодые люди решили бежать и обвенчаться тайно. Но замысел раскрыли, и Тадеуш был изгнан.

Не найдя себе применения на родине, в 1775 г. выехал в Америку, чтобы сражаться (сначала в чине полковника, затем бригадного генерала) в Войне за независимость североамериканских колоний Великобритании. Занимался фортификацией городов и военных лагерей. Известность ему принес вклад, как фортификатора, в победу в битве под Саратогой в 1777 г. Он блестяще справился со строительством укреплений для защиты Филадельфии, что позволило ему стать главным инженером Северной армии, которая отражала нападения англичан со стороны Канады и Нью-Йорка. По его просьбе Костюшко был переведён в Южную армию, где его знания военного инженера также позволили одержать ряд побед над англичанами. В признание его заслуг Конгресс США 13 октября 1783 г. присвоил ему звание бригадного генерала американской армии.

В ситуации подготовки Тарговицкой конфедерации в начале мая 1792 г. назначен командиром одной из трёх дивизий, составлявших польскую армию под командованием князя Юзефа Понятовского (насчитывала около 17 тысяч солдат). После выступления Тарговицкой конфедерации и интервенции, по просьбе конфедератов, российских войск в мае 1792 г. отличился в нескольких боях. После победы Тарговицкой конфедерации Костюшко эмигрирует в Саксонию, затем в конце 1792 г. едет в Париж, где от имени польских патриотов ведёт с французским революционным правительством безуспешные переговоры о совместных действиях против Австрии и Пруссии.

По возвращении из Франции в Саксонию, затем Галицию Костюшко активно включается в подготовку общенационального восстания, «диктатором» которого его было решено назначить. Фактически восстание началось 12 марта 1794 г., когда генерал Антоний Мадалиньский отказался сокращать I Велькопольскую бригаду национальной кавалерии и двинулся во главе её из Остроленки на Краков. При вести об этом Костюшко немедленно явился в Краков и там провозгласил Акт восстания, присягнул сам, привел к присяге жителей и гарнизон. Актом восстания, подписанным всеми краковцами, Костюшко был провозглашен «Начальником восстания», и ему была предоставлена вся полнота гражданской и военной власти в стране. Этот день — 24 марта — обыкновенно и считается днем начала восстания. 24 марта Тадеуш обратился к населению, выпустив четыре патриотических воззвания: «К войску», «К гражданам», «К священникам», «К женщинам». Под командованием Костюшко повстанцы одержали победу над царскими войсками под Рацлавицами (4 апреля). Восстания горожан освободили Варшаву (17–18 апреля) и Вильно (22–23 апреля). Последовавшая затем осада Варшавы соединенной русско-прусской армией закончилась неудачей в значительной мере благодаря умелому руководству обороной со стороны Костюшко. 7 мая Костюшко издал Поланецкий универсал, в котором крестьянам обещалось личное освобождение и уменьшение повинностей. 10 октября в бою под Мацеёвицами с русскими войсками под командованием Фёрзена Костюшко был тяжело ранен, взят в плен корнетом Лысенко и заключен в Петропавловскую крепость.

В ноябре 1796 г., сразу же по смерти Екатерины II, был освобожден Павлом I, которому принес верноподданническую присягу, вероятно по настоянию придворных, уверявших, что иначе император не освободит 12 тыс. польских пленных. Выехал в США, но в 1797 г. вернулся в Европу и с 1798 г. обосновался под Парижем. Относясь к Наполеону как к тирану, категорически отказывался от всякого сотрудничества с последним, хотя в 1806 г. ему предлагалось поднять восстание в Польше и возглавить Великое герцогство Варшавское, однако Костюшко, не получив от Наполеона гарантий восстановления Польши в прежних границах,

категорически отказался от предложения, считая недостойным себя быть орудием в руках французского императора. В 1815 г. отказался от приглашения Александра I возглавить администрацию Царства Польского, также после того, как узнал, что Польша не будет восстановлена в границах 1772 года. Костюшко скончался 15 октября 1817 г. в швейцарском городе Золотурн. Его прах был перевезен для захоронения в Краков.

[21] Эта информация противоречит родословным росписям в [34] и в [36].

[22] В тексте сообщены ошибочные год рождения (1747 г.) и дата смерти (в начале 1799 г.).

[23] В списке Кавалеров ордена Святого великого князя Александра Невского значится под номером 573 (от 1792 июня 28) Фёрзен Иван Евстафьевич, барон, генерал-поручик.

[24] Это ошибочная дата. И.Е. Фёрзен был возведен в графское Российской империи достоинство 1 января 1795 г.

[25] Ланжерон Александр Федорович (1763–1831), граф, российский генерал от инфантерии. Участник войны за независимость США и многочисленных сражений в 1790–1814 гг., после вступления в российскую службу. С 1815 г., вслед за герцогом Ришелье, управлял Новороссийским краем и способствовал развитию города Одессы, где в честь его одна из улиц названа Ланжероновской. Оставил обширные мемуары на французском языке, составленные на основе собственных наблюдений, официальных данных, свидетельств современников. Подробная биографическая статья о нем имеется в [24].

[26] Ланжерон в [17] упоминает численный состав генералитета: «... генерал-аншефы; их 9 или 10, потом генерал-поручики, в числе 35 или 40; общее число генералов, считая при этом артиллерию, инженеров, генеральный штаб и казаков, не превышает ста.

[27] Вероятно, были серьезные — или казавшиеся в то время таковыми — причины для этой просьбы. Так, в [15], гл. III, граф Евграф Федотович Комаровский пишет: «По возвращении из Казани в Петербург император назначил великого князя Константина Павловича главным начальником над 1-м кадетским корпусом, по тому примеру, вероятно, что отец его величества, император Петр III, был директором одного в царствование Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина поручала сей корпус всегда начальству генерала, имевшего военную репутацию, каковы были: граф Ангальт, граф Дебальмен и т.п. Последний был в ее царствование М.Л. Кутузов, которого император Павел назначил командиром войск, в Финляндии расположенных, а на место его директором кадетского корпуса — славного генерала, графа Фёрзена, который разбил и взял в плен Костюшко. Великий князь поручил мне письменные дела как по кадетскому корпусу, так и по Измайловскому полку. Его высочество всякий день поутру в 5 часов ездил в корпус со мною; ему приятно было видеть, как по барабану несколько сот детей вставали и одевались. Между тем поступало ко мне множество бумаг от графа Фёрзена по бывшим будто бы злоупотреблениям, допущенным генералом Кутузовым, распродажею пустопорожных мест, корпусу принадлежащих, и прочее. Я заметил, что между сими двумя генералами была взаимная личная вражда, от зависти, может быть, в военном ремесле происходившая. Мне хотелось, чтобы представления графа Фёрзена не сделали вреда генералу Кутузову, ибо я знал строгость императора, и если бы сии бумаги доведены были до сведения его величества, то генерал Кутузов непременно бы пострадал. Я много раз ездил к графу Фёрзену и старался его склонить к некоторому снисхождению, но успеть в том не был в состоянии. Наконец, выбрав веселую минуту великого князя, я объяснил все его высочеству. Он, меня поблагодарив, приказал мне поехать к графу Фёрзену и сказать ему, что все, что было сделано в управление генерала Кутузова корпусом, происходило в царствование его августейшей бабки, и что его высочеству не угодно, чтобы генерал, служивший ее величеству с честью, получил какую-либо неприятность; а потому приказывает его превосходительству, чтобы впредь никаких представлений на генерала Кутузова более не делать. Графу Фёрзену это было очень неприятно. В первый раз, как я встретился во дворце с генералом Кутузовым,

которому, вероятно, все было известно, он меня чрезвычайно благодарил». Не нам — тем более, принимая во внимание решение Константина Павловича, — оценивать взаимоотношения двух великих людей. Но и выборочно замалчивать то, что известно, мы не будем. Останемся на этом; желающие разобраться глубже в личных отношениях двух полководцев могут сделать это сами.

[28] Он пожалован графом (из барона), получил чин генерал-аншефа, Андреевскую ленту и 2-й степени Георгия, богатые поместья на Украине, и от Австрийского и Прусского дворов ордена и богатые подарки. — *Ф.Б.*

[29] Тадеуш Костюшко был взят в плен корнетом Федором Лысенко. О нем в «Русском биографическом словаре» [24] А.А. Половцова имеется статья Ал. Ельницкого, из которой видно, какого ожесточения достигало противостояние сторон. Поэтому мы приводим ее полностью: «Лысенко Федор Ильич — офицер, взявший в плен Костюшко; родился 19 февраля 1751 г. в Тимском уезде Курской губ. Отец его был малорусский казак и ни за что не хотел отпустить своего сына на военную службу, куда последний так стремился. В 1771 г. он тайно бежал из родной хаты и записался в солдаты в ближайшем городе Короче. Но отец заставил его вернуться домой. Спустя год Лысенко снова бежал к южной границе России, где тогда стоял Харьковский гусарский полк, и был охотно принят на службу. Считаясь с 1-го января 1772 г. в полку, Лысенко быстро выучился грамоте и вскоре был произведен в капралы, а затем в квартирмейстеры и вахмистры. В 1788 г. он участвовал во второй турецкой войне, был при осаде Очакова, а в 1790 году отличился при взятии Килии. Спустя четыре года Лысенко находился в Польше, которая, так сказать, доживала последние дни своего самостоятельного существования. В это время поляки попытались еще раз вооруженной рукой отстоять себе свободу и самостоятельность. На этой почве составил обширный заговор, душой которого был Тадеуш Костюшко. В момент восстания Лысенко находился в Варшаве и очутился в самом пылу сражения. Два раза под ним была убита лошадь, и наконец он принужден был спешиться. Случайно он натолкнулся на отряд майора Батурина и примкнул к нему. Вынужденные запереться на каком-то дворе, где им удавалось отражаться некоторое время от повстанцев, они в конце концов решились на отчаянную вылазку. Большинство смельчаков легли тут же, и только незначительная часть прорвалась за город и соединилась с Игельстромом. Лысенко оказался в гряде раненных и убитых, хотя и с неопасной раной. С наступлением ночи он очнулся, дополз до русских отрядов, положен был в лазарет и награжден чином корнета. Появление в Польше Суворова с полками заставило поляков быть очень осторожными. Костюшко во что бы то ни стало решил помешать соединению двух русских армий и дал сражение Фэрзену у Мацеиовиц. Бой закончился полным поражением поляков, причем Костюшко был взят в плен Лысенко, за что последний был награжден чином поручика. Отправленный с донесением об этом деле в Петербург, Лысенко, по проискам недоброжелателей, был ворочен обратно. Мало того, его даже предали суду за то, что он ранил польского полководца. После продолжительных мытарств Лысенко оправдали, но он должен был выйти в отставку, поселился в Малороссии и с 1805 г. находился на службе в почтамте. С наступлением 1812 года в старом вояке проснулась прежняя страсть с новой силой, и он опять стал в ряды нашей армии. С 1812 по 1814 гг. Лысенко участвовал в 31 сражении и доказал, что его рука и на старости лет хорошо владеет оружием. В 1816 г. он снова вышел в отставку в чине ротмистра и все-таки вынужден был рассчитывать на поддержку частных лиц, пока Александр - не приказал отвести ему 1000 десятин в Саратовской губ. и не пожаловал ему одновременно 1000 руб. Однако Лысенко еще раз пришлось испытать сильную нужду и даже нищенство. За малочисленностью земель в Саратовской губ. состоялся приказ о приостановке раздачи их, и Лысенко, потратившись на проезд, вернулся в Петербург, что бы снова хлопотать о пособии. На этот раз государь пожаловал ему тысячу десятин земли в Самарской губ. Продав ее, Лысенко купил себе дом в г. Тиме, Курской губ., где провел последние годы своей жизни вместе с женой и дочерью. Умер Лысенко 30-го апреля 1832 г. и

похоронен был на кладбище близ Знаменской церкви. На вросшем в землю камне, на его могиле, еще сохранилась следующая надпись: «Здесь тело отставного ротмистра Федора Ильича Лысенко, родился 1751 г., февраля 19 дня, жил 81 год, 2 месяца и 11 дней. В жизни своей на войне сам взял Костюшку в плен».

Источники. Военный энциклопедический лексикон (изд. 2-е, т. VI-, стр. 432). — «Отечественные Записки», 1822, т. XII, стр. 49 и пр. — «Военный журнал», 1811 г., ч. XII, стр. 65–68. — С. Соловьев, «История падения Польши», М., 1803 г. — Н. Костомаров, «Последние годы Речи Посполитой», II, 1886 г., т. —, стр. 603–604. — «Записки атамана Денисова» («Русская Старина», 1874 г., т. X и XI). — «Русский Вестник», 1892 г., окт., стр. 107–209. — J. Kitowicz, «Pamiętniki Ksiedza do panowania Stanisława Poniatowskiego», Poznań, 1845 г., т. II, стр. 265. — «Исторический Вестник», 1893 г., ноябрь, стр. 476–493».

[30] Я слышал, будто знаменитый князь Карл Радзивил велел вычеканить несколько сот червонцев с изображением короля и этой надписью, и что эта монета была в обращении в Варшаве. Пример разладицы и неустройства! Могло ли существовать государство при таком своеволии?! — *Ф.Б.*

[31] Это были похороны настоятеля католического монастыря. — *Ф.Б.*

[32] Дигнитарской фамилию почиталась та, в которой были члены, облеченные в высшие придворные и государственные звания и кавалеры Белого Орла (Dignitaire, dignitarz). — *Ф.Б.*

[33] Это, конечно, так, тем более, что Эстляндия, родина И.Е. Фёрзена, была частью Российской империи.

[34] Это фактическая неточность. Вигель пишет о пруссаках, забывая, что И.Е. Фёрзен немцем был, но пруссаком не был никогда.

[35] Польская война: Кобылка; 1794. Обзор последних событий. — Инструкции Румянцову и Решнину; степень участия в войне союзников России; состояние дел и положение Суворова в Бресте; отношения его к Румянцеву, Решнину и другим; бесплодные сношения. — Действия Дерфельдена и Фёрзена; поражение Косцюшки и плен. — Распоряжение Суворова о присоединении к нему Дерфельдена и Фёрзена; военный совет в Бресте; выступление Суворова; обращение его с войсками. — Соединение с Фёрзеном; поиски на Окунев и Кобылку; упорное дело при Кобылке; полное поражение Поляков; послепобедный пир. — Войска польские и русские; Суворовский образ действий в Польше; его боевые принципы; некоторые особенности в делах его с Поляками. — Приписывание его побед случаю или счастью; обвинение Суворова в невежестве; объяснение.

[36] Воен.-учен. архив, 1220. — Моск. архив гл. штаба, опись 196, связка 9. — Сувор. сборник, папка.

[37] Воен.-учен. архив, 1219 и 1220. — Моск. арх. гл. штаба, оп. 196, св. 8 и 9. — Сборник рус. истор. общества, т. 29. — Записки Энгельгардта.

[38] Восемнадцатый век, Бартенева, кн. 4.

[39] Польская война: Прага; 1794. Решение штурмовать Прагу; присоединение Дерфельдена; военный совет; послания из Праги и Варшавы; ответы Суворова. — Расположение польских сил; состояние Варшавы; избрание Вавржецкого главнокомандующим; разномыслие его с другими; интриги Колонтая. — Приготовления Русских к штурму; приказ по войскам; наставление Фёрзену. — Укрепления Праги; силы обеих сторон; диспозиция Суворова. — Ночь перед штурмом; распоряжения Вавржецкого. — Начало штурма и его ход; быстрые успехи Русских; их ожесточение; зажжение моста; канонада до ночи; её поводы; пожар в Праге и грабеж. — Потери. — Суворов после штурма; возводимые на него обвинения. — Параллель штурмов Праги и Измаила.

[40] Рассказы ст. воина. — Сын отечества 1831 года, часть 140. — Военный сборник 1868 г. Приказ этот в архивных документах не отыскан; приведенный здесь вкратце записан участником дела по воспоминаниям.

[41] Материалы г. Дубровина. — Сын отеч., 1831 г., ч. 140.

[42] По-немецки его имя звучит так: Heinrich Johann Schlippenbach.

[43] По-немецки его имя звучит так: Magnus Friedrich Schlippenbach.

[44] По-немецки его имя звучит так: Otto Johann Schlippenbach.

[45] По-немецки его имя звучит так: George Gustav Schlippenbach.

[46] Anna Friederika, * Bockenhof, Livld, 22. 2. 1725, † ... 23. 6. 1779, auf Ollustfer, T. d. Kpt. Friedrich v. Sch. auf Alt-Bornhusen u. Ollustfer, Livld, u. d. Charlotte v. Löwenwolde a. d. H. Malla. ∞ ... 1742 Karl Gustav Freiherr v. Fersen, * ... 1717, † Ollustfer, Livld, 2. 3. 1790 (immatrikuliert bei der Livld. Rrschaft 1745; Anerkennung d. Frhrntitels durch dieselbe 6. 7. 1750), auf Pachel, Estld. [2. Zweig (Ollustfer)]. Sohn: Hans Heinrich Graf v. Fersen, * ... 1743, † Dubno, Rußld, 16. 7. 1800 (russ. Gfnstand l. l. 1795), [36], Gfl. Häuser A, Bd VII, 1973.

[47] Внуков В.А. Шлиппенбах не имел и поэтому не имел потомства по прямой мужской линии, вопреки всем возможным догадкам и утверждениям на этот счет.

[48] Helene Charlotte, * Bockenhof 8. 9. 1723, □ Reval 1. 11. 1765, ∞ daf. 23. 6. 1741 Eberhard Gustav Graf v. Manteuffel gen. Zoega, † Reval 23. 6. 1778, a. Pajack u. Russal (Estl.), OberstLtnt.

[49] Siri Charlotta, * Bockenhof, Livonia, 20. 4. 1726, † Alt-Bornhusen, Livonia, 27. 2. 1775. Heiress of Alt Bornhusen. Daughter of Friedrich Berend v. Schlippenbach of Alt-Bornhusen and Ollustfer (* 1695, † 1737) and Baroness Helena Christina (according to [GHR], p. 726 Charlotte) v. Löwenwolde (Daughter of Gerhard Johann Baron v. Löwenwolde, house of Malla; sister of Gustav Reinhold, Karl Gustav and Friedrich Casimir, Counts v. Löwenwolde).

[50] Вольмар Анттон Шлиппенбах (23 февраля 1653–27 марта 1721), с 1701 г. генерал-майор, с 1705 г. вице-губернатор Эстляндии, в 1700–1704 гг. главнокомандующий шведским полковым корпусом. Силы этого корпуса, безуспешно защищавшего Лифляндию и Эстляндию от вторжения войск Б.П. Шереметьева, значительно уступали им в численности (см., например, [8], а также [26]; из многочисленных шведских исследований укажем лишь статью [41]. Детальное исследование как военного хозяйства в Прибалтийских провинциях, так и военных действий в 1701–1704 гг. проведено историком и демографом Х. Палли в книге [22]. В этой книге приводится весьма обширный список литературы и источников). В.А. Шлиппенбах был захвачен в плен в первой фазе Полтавской битвы.

[51] Левенвольде, Герхард Иоганн — барон, представитель одного из древнейших рыцарских родов в Прибалтике, одного происхождения с Врангелями. В 1686 г. упомянут в источниках как капитан шведской службы в гарнизоне Риги, в 1688 г. произведен в майоры. Не только друг и близкий родственник известного Иоганна Паткуля (см., например, [8]), но и ближайший его соратник в борьбе против шведских редуций. В 1695 г. арестован шведскими властями, приговорен к смертной казни, позднее помилован, поселился в Курляндии. Вступив в польско-саксонскую службу, участвовал в Северной войне 1700–1721 гг. против Швеции. С 1708 г. на российской службе, после капитуляции Риги в 1710 г. назначен российским «пленипотенциарием», добился от Петра I подтверждения привилегий остзейского рыцарства. А.С. Пушкин в «Истории Петра» [26] пишет: «1710 <год>. 30 сент.<ября> Петр подтвердил капитуляцию в П. Б. двумя дипломами — по ходатайству барона Левенвольда. Шведск.<ая> редукция была уничтожена, — и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян». Далее там же: «Петр послал в Ригу тайн.<ого> советника Левенвольда для учреждения гражданского порядка в Лифляндии, придав ему в помощь Зыбина и еще офицера, знавшего по нем.<ецки> и по латине. Сам Петр занялся исправлением крепостей и гаваней,

вызовом иноземцев на заселение мест, опустошенных язвою etc. Он составил 15000-й корпус лифл.<яндский> из природн.<ых> тамошних дворян. В Лифл.<яндии> учреждена была комиссия. Наказ, Левенвольду данный (11 пункт.<ов>) (см. ч. III — 269)». И далее там же: «1712 <год>. Петр предписывает адмиралу в рижских делах, относящихся к уезду и дворянству, относиться к Левенвольду, к<a>сательно торговли к Исаеву, а гарнизона — к Полонскому etc.». В 1711–1721 годах Г.И. Левенвольде — обер-гофмейстер, с 1713 г. состоял при дворе принцессы Шарлотты Софии, супруги царевича Алексея Петровича и выполнял ряд деликатных дипломатических поручений императора Петра I. Год и место рождения неизвестны. Умер в своем имении Малла в Эстляндии 26 апреля 1723 г. Имел дочь и трех сыновей, из которых двое старших сыграли значительную роль в царствование Анны Иоанновны.

[52]См. исследование [22]. В нем приведен анализ многочисленных документов, проясняющих проблемы комплектования войск, воевавших под командой В. А. Шлиппенбаха в Лифляндии и Эстляндии в этот период.

[53]В этой связи приведем такое свидетельство графа Рожера Дама [11]: «Граф Стединг, швед, известный во Франции одновременно с Фёрзеном (Шведским графом Хансом Акселем Фёрзеном. — В.М.), тоже только что потерпел поражение в Финляндии. Императрица говорила со мной о нем, спрашивала, знаю ли я его лично, и что я о нем думаю. Когда я ей повторил все то хорошее, что слышал о нем во Франции, она мне сказала: “Я сообщу это тому из моих генералов, который одержит победу над ним. Приятнее иметь дело с достойным человеком, и я доставлю ему это удовольствие”». О графе Курте Стединге в [11] сообщается, что он «родился в 1746 г. и служил во французской армии (лейтенантом Шведского королевского полка и полковником Эльзасского королевского полка), участвовал в американской кампании с Х.А. Фёрзеном и принадлежал, как и тот, к интимному кружку Марии–Антуанетты».

[54]По-немецки его имя звучит так: Herman Fersen.

[55]Помимо прочего, см. [5], стр. 86: «В числе полков, коим в Киеве Малютин делал смотр, был также и Киевский гренадерский. Его шефом был тогда знаменитый граф Фёрзен, победитель Костюшки . . . ».

[56]Иногда, что уж совсем удивительно, Ермолая (Германа) Егоровича Фёрзена (а может и обоих Фёрзенов, поскольку Иван Евстафьевич имел аналогичную награду) путают с генералом от инфантерии Иваном Ивановичем Германом, который, будучи ген.-м. кварт. ч., был награжден второй степенью Ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия «во уважение на ревностную службу, искусство и храбрость, с каковыми он, командуя вверенным ему отрядом, атаковал и совершенно разбил на Кубани армию турецкую под предводительством Сераскера–Баталбея, взяв и самого его в плен» (см. [6], стр. 117).

[57]Помимо много обсуждавшегося общего замысла романа, следует иметь в виду нюансы общественного мнения того времени, когда он был написан. Графиня М.Э. Клейнмихель в своих воспоминаниях «Из потонувшего мира» [14], в главе «Существовала ли в России германская партия» пишет: «. . . Во многих странах слыхала я разговоры о германфильской партии в России, читала о ней статьи на разных языках. Спокойный наблюдатель мог бы заметить, что со времени Александра II в России не было германфильской партии. Высшие военные круги, особенно офицерство Генерального штаба, происходившее из демократических кругов общества, стремились к лаврам и считали, что это легко достижимо при условии союза с Францией (это мнение усилилось после несчастной японской войны). Интеллигенция симпатизировала республике и была счастлива возможности пить марсельезу, что ранее строго каралось и из-за чего не один уже был сослан в Сибирь. Купцы видели в Германии сильного конкурента. Рабочие на фабриках не любили аккуратного, требовательного мастера-немца. Мужики считали себя вправе жаловаться на немца-управляющего, наказывающего пьяниц и лентяев, а состоятельный класс, тративший большие деньги в Париже, выражал, конечно,

свои симпатии французам — их ресторанам, бульварам, театрам, портным, коготкам, полагая, что в этих симпатиях и заключается любовь к Франции. . . . Германия была у нас тогда так нелюбима, что ее защитники, приводя свои доказательства, обыкновенно начинали так: «Немцев я никогда не любил и симпатизировал всегда французам, но я нахожу, что и т.д.»».

[58] Перенести в пространство (нем.).

[59] В пространстве (нем.).

[60] То есть «немцу» вообще, а не Вольцогену или Клаузевицу, появление которых спровоцировало князя Андрея — персонажа графа Л.Н. Толстого — на эти слова. Иногда говорят, что слово «немец» издавна на Руси означало «немой» и что так называли иностранцев, не знавших русского языка. Однако не секрет, что это именно выходцы их германских государств (Вестфалии, Швабии, Пфальца, Баварии, Саксонии), швейцарцы, французы, австрийцы, голландцы, датчане, шведы, в меньшей степени поляки, то есть иностранцы западного происхождения. Вряд ли «немцами» когда-либо называли персов, греков, румын, а также тунгусов, калмыков и прочих людей с дальнего или ближнего Востока.

[61] Согласно [19], барон Вестергольте (Вистергольте, Вистергальте, Вастергольц, Вистергольц), Борис Романович, вступил в полк майором 8 мая 1811 года; он подданный Голландии.

[62] Напомним слова Карла фон Клаузевица (см. [13]), сказанные задолго до графа Л.Н. Толстого: «. . . Мы же со своей стороны скажем: поход 1812 г. не удался (Бонапарту. — *В.М.*) потому, что неприятельское (Российское. — *В.М.*) правительство оказалось твердым, а народ остался верным и стойким, т. е. потому, что он не мог удалиться . . . ». Вероятно, «в его немецкой голове» были не только «рассуждения, не стоящие выеденного яйца».

[63] «Ну, теперь прощай! — Он дал поцеловать сыну свою руку и обнял его. — Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, больно будет . . . — Он неожиданно замолчал и вдруг крикливым голосом продолжал: — А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет . . . стыдно!».

[64] «Он подвел сына к бюро, откинул крышку, выдвинул ящик и вынул исписанную его крупным, длинным и сжатым почерком тетрадь. — Должно быть, мне прежде тебя умереть. Знай, тут мои записки, их государю передать после моей смерти. Теперь здесь вот ломбардный билет и письмо: это премия тому, кто напишет историю суворовских войн. Переслать в академию. Здесь мои ремарки, после меня читай для себя, найдешь пользу». Явным кандидатом на эту премию, как видно, является А. Петрушевский.

[65] Несмотря на приговор, что «карьера Ольги Строгановой кончена», и на формальное осуждение «побега», дальнейшая семейная жизнь О.П. Строгановой, скончавшейся 13 апреля 1838 г., и П.К. Фэрзена, значительно пережившего ее (он умер в 1884 г.), сложилась весьма успешно; у них было трое детей. Е.Н. Егорова в работе [12] пишет: «Семья Фэрзенов поддерживала дружеские отношения во многими знаменитостями. Среди них был замечательный художник К.П. Брюллов, немало произведений которого попало в коллекцию супругов. В 1834 г. Брюллов написал акварелью портрет П.К. Фэрзена, а в 1835 г. — «Портрет графини О.П. Фэрзен на ослике», где эта очаровательная женщина изображена, скорее всего, на пути в горный монастырь — в руках у нее молитвенник и четки. Чувствуется большая симпатия художника к своей модели. В архиве Брюлловых сохранилось письмо Ольги Павловны, отправленное в марте 1835 г. из Неаполя. Узнав, что художник собирается в большое путешествие на Восток, она писала: «. . . Мы надеемся и, верно, не тщетно, что вы приедете с нами проститься, имея намерение предпринять столь долгое путешествие. Приездом вашим докажете, что мои просьбы всемогущи над вами, в чем вы меня столь приятно уверяли . . . Мы ждем вас с нетерпением и надеемся, что вы согласитесь посвятить три или четыре дня вашим старым приятелям . . . » [3]. Близ Неаполя, вероятнее всего, и была написана акварель, которая в настоящее время хранится в Государственном Русском музее. Любопытно, что на дальнем

плане справа внизу изображен долговязый белокурый мужчина на ослике, поразительно похожий на Павла Карловича Фёрзена. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить изображение с акварельным портретом 1834 г.: прическа мужчины, цвет волос, склад фигуры, покрой одежды, очертания лба, подбородка, носа (с учетом более низкого наклона головы) — все это практически совпадает. Можно считать, что имеется еще один портрет П.К. Фёрзена кисти Брюллова — миниатюрный (портрет атрибутирован в Отделе рисунка ГРМ). Счастливая семейная жизнь супругов Фёрзенов была прервана в 1837 г. ранней смертью Ольги Павловны. Незадолго до этого ее великолепный портрет написал К.П. Брюллов, оставляя скорбящему мужу живую память о любимой жене. Павел Карлович вторично женился лишь через много лет на Елизавете Федоровне фон Раух, от которой имел также двоих детей — Александру (1856 г.р.) и Николая (1858 г.р.). Разница в возрасте между детьми от первого и второго браков составила по 26 лет. Карьера графа Фёрзена оборвалась, когда ему было уже 70 лет, из-за того, что однажды на царской охоте он неосторожным выстрелом случайно убил одного из участников. Было проведено служебное расследование, в результате которого графа отправили на пенсию. Надолго пережив друзей своей молодости, он скончался в возрасте 84 лет в собственном имении в Лифляндии. Так сложилась судьба графини Ольги Павловны Фёрзен, урожденной Строгановой, внучки княгини Н.П. Голицыной. О напумевшей когда-то ее истории сегодня напоминают нам опубликованный дневник А.А. Олениной и великолепные портреты кисти Карла Брюллова, которыми можно полюбоваться в Третьяковской галерее и в Русском музее».

[66]Ланской Александр Петрович (1800–1844), с 1818 г. эст.-юнкер, поручик, штабс-ротмистр, с июня 1826 г. ротмистр Кавалергардского полка. За участие в похищении П.К. Фёрзеном О.П. Строгановой был переведен в Мариупольский гусарский полк. Год спустя за военные отличия в Русско-турецкой войне возвращен в Кавалергардский полк, после женитьбы на Наталье Федоровне Петрово-Соловова вышел в отставку. Был родным братом Петра Петровича Ланского, который в 1844 г. стал вторым мужем Н.Н. Пушкиной. На дочери А.П. и Н.Ф. Ланских — Софье Александровне Ланской (1836 г. или 1838–1875 гг.) женился в 1858 г. старший сын Пушкина Александр Александрович. От этого брака было 11 детей, двое из которых скончались в младенчестве. Софья Ланская и ее брат Павел рано остались сиротами, нашли приют в семье Н.Н. Пушкиной-Ланской и воспитывались вместе с ее семерыми детьми от обоих браков.

[67]Её дочь, Софья Владимировна, вышла замуж за графа Павла Александровича Строганова, впоследствии известного государственного деятеля и полководца.

[68]Строго говоря, А. Гласе ошибается. Вероятно, она думает, что граф Павел Карлович Фёрзен — представитель шведской графской линии рода Фёрзен, от которого — согласно родословной росписи — он достаточно далек.

[69]Эту характеристику следовало бы пояснить в свете тогдашних понятий о «шалопаях». В современном смысле слова «шалопем» такой человек, как Павел Карлович Фёрзен, не был: так, он «участвовал в походе 1831-го года против польских мятежников; за отличное мужество, выказанное при штурме Варшавы, награжден орденом св. Владимира с бантом» ([24], стр. 53).

[70]Или, что то же, прямой потомок в V-м поколении барона Герхарда Иоганна Левенвольде, пленинотенциария императора Петра I.

Список литературы

- [1] Бантыш–Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли, Т. 5. М., 1836.
- [2] Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. С.-Петербург, Тип. Акц. Общ. «Изд. Дело».
- [3] Брюллов К. Альбом репродукций. Спб.: ГРМ, 1999.
- [4] Булгарин Ф.В. Воспоминания. М.: «Захаров», 2001.
- [5] Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. М.: Захаров, 2003.
- [6] Военный орден святого великомученика и победоносца Георгия. Отв. сост. В.М. Шабанов. М. Русский мир, 2004.
- [7] Гейкинг К.Г. Из дней Императора Павла. Император Павел и его время. Записки курляндского дворянина 1796–1801 («Русская Старина», изд. 1887 г., Т. LVI, ноябрь, стр. 365–394.).
- [8] История шведской войны (Поденная записка Петра Великого) Вып. 1. Сост.: Т.С. Майкова. Москва. Издательство «Кругъ», 2004.
- [9] Гласе А. Из чего сделалась «Метель» Пушкина. Новое литературное обозрение 1996, № 14 (история).
- [10] С.Ф.Г. (Глинка С.Ф.) В защиту дедов. Сборник трудов потомков участников Отечественной войны 1812 г. Выпуск 1, М., Янус-К, 2008, стр. 23–29.
- [11] Записки графа Рожера Дама. Старина и новизна: Исторический сборник. Спб., 1914, Кн. XVIII (Переиздано в кн.: Екатерина II. Искусство управлять. Фонд Сергея Дубова. Москва, 2008.).
- [12] Егорова Е.Н. Романтическая история Ольги Строгановой–Фёрзен.
- [13] Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934.
- [14] Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира: Мемуары. Пг., М., 1923 (Переиздано в кн.: За кулисами политики. 1848–1914. Фонд Сергея Дубова. Москва, 2001.).
- [15] Записки графа Е.Ф. Комаровского. Редакция П.Е. Щеголева. Исторический вестник, М., 1897 (Переиздано в кн.: Державный сфинкс. Фонд Сергея Дубова, Москва, 1999).
- [16] Кравченко В.С. Через три океана. Воспоминания врача о морском походе в Русско-японскую войну 1904–1905 годов. СПб.: Гангут, 2002.
- [17] Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство рус. Армии. Предисл. и примеч. авт. Сообщ. Н. Шильдер; пер. по рукописи В.Н.М. Русская старина, 1895. Т. 83. № 3, стр. 147–166.
- [18] Малиновский В.К. Бароны Шлиппенбах — офицеры императора Александра I. Сборник трудов потомков участников Отечественной войны 1812 г. Выпуск 2, М., Янус-К, 2008, стр. 56–86.
- [19] Марков М.И. История лейб-гвардии Кирасирского Ея Величества полка. Т. 1, Санкт-Петербург, 1884.
- [20] Мацеёвский Ю. От Пулаского до Пилсудского. Варшава, 1935.
- [21] Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. Спб.: «Академический проект», 1999.
- [22] Палли Х. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны 1701–1704. — Таллин, Изд-во АН Эст. ССР, 1966.

- [23] Переписка князя Италийского графа А.В. Суворова–Рымникского с графом Иваном Евстафьевичем Фёрзеном. Отечественные записки, 1822, т. X, № 24, с. 101–110. (Письма, относятся к 1794 году, ко времени действий русских войск в Польше).
- [24] Русский биографический словарь: В 25 т. А.А. Половцов. М., 1896–1918.
- [25] Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов.
- [26] Пушкин А.С. История Петра. ПСС в 10-и томах (т. 9). изд. 4-е, Ленинград: Наука, 1979.
- [27] Родословное древо Густава Рейнгольда Левенвольде. РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 294, л. П-1,2.
- [28] Родословное древо Карла Густава Левенвольде. J.K. Brotze, Sammlung verschiedener Lieflandischer Monumente, vol. 5, part 1 (of 2).
- [29] Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание Великого Князя Николая Михайловича С.-Петербург 1905–1909 гг.
- [30] Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). Составитель В.П.Степанов. Академический прект. С.-Петербург, 2003.
- [31] Сборник биографий Кавалергардов, 1762-1801. т. 2, Сост. под ред. С. Панчулидзева, СПб., 1904.
- [32] Суворов А.В. Письма. М. Наука, 1986.
- [33] Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793. По подлинной его рукописи, с биографической статьей и объяснительным указателем Николая Барсукова. СПб., 1784 (Переиздано в кн.: Екатерина II. Искусство управлять. Фонд Сергея Дубова. Москва, 2008.).
- [34] Fersen. Genealogische Handbuch der Est. Ritterschaften, Bd. 1, S. 160–166, 1933.
- [35] Genealogische Handbuch der baltischen Ritterschaften.
- [36] Fersen. Genealogisches Handbuch des Adel, Glucksburg, Limburg an den Lahn. Bd. 96, S. 99–131, 1989.
- [37] Klinckowström. Le comte de Fersen et la cour de France. Париж, 1878.
- [38] Klingspor, von Carl Arvid. Baltisches Wappenbuch. Wappen sammtlicher, den Ritterschaften von Livland, Estland, Kurland und Oesel zugehöriger Adelsgeschlechter, 1882.
- [39] Malinovskii, V.K. A Scottish branch of Urquharts in the Loewenwolde family tree. The Scottish Genealogist, Vol. LIV, № 4, p. 155–165.
- [40] Nordisk familjebok. B. 2. Stockholm, 1904.
- [41] Sjögren, O. W.A. v. Schlippenbachs Lifländiska hör. Historisk afhandling, Stockholm, 1896, P. 293–320.